

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РОССИИ

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ

Т.Г.Нефедова, А.И.Трейвиш

Региональные проблемы, прежде интересовавшие немногих специалистов, ныне оказались в центре общественного внимания и политической жизни. Специалистам даже не пришлось слишком долго твердить о необходимости региональной, пространственной политики. Сам этот термин стремительно проник в газетную лексику, в названия депутатских фракций, правительственных и президентских структур, научных фирм и журналов. Однако постсоветское пространство России - объект не столь управляемый и послушный, как многим хотелось бы. У него свои повадки и причуды. В первую очередь их следует знать и понимать, прежде чем что-то строить и тем более - ломать.

1. Россия в постсоветском пространстве: новое геополитическое положение

Постсоветское пространство - один из новых терминов, ворвавшихся в нашу жизнь в 90-х годах вместе с третьей по счету геополитической бурей XX века, перекроившей карту Восточной Европы и всей северной Евразии. Первая пришла с мировой войной и русской революцией, вторая - с сокрушением нацизма, соцлагерем и сверхдержавным СССР, а нынешняя - с его проигрышем в холодной войне, крахом социализма и самого Союза.

Географически это то самое пространство, которое оксфордский геополитик Хэлфорд Маккиндер (в 1919 г. комиссар Антанты на Украине) назвал Евразийским *хартландом* и к которому относится его магическая, хотя не очень-то верная формула: "Кто правит Восточной Европой, тот господствует над хартландом; кто правит хартландом, тот господствует над Мировым островом (так Маккиндер именуется Старый Свет - Т.Н., А.Т.); кто правит Мировым островом, тот господствует над миром" (1). Казалось, все вот-вот сбудется в 50-х годах, когда монолитный красный пояс Евразии от Эльбы до Меконга грозил буржуазному Западу. Это ли не торжество теории мировой революции либо, по Маккиндеру, натиска непреступного хартланда на уязвимые коустланды?

Однако по существу это только миг. Прежде - в наполеоновских и мировых войнах - Россия была на стороне морских держав. А затем ядерные ракеты лишили неуязвимости любую точку планеты. Союзники СССР не были надежными. Что из того, что 2/3 его границ приходилось на страны социализма? Мятежи в ГДР, Чехословакии, Венгрии, Польше, ссора с Китаем, провал в Афганистане, крушение Берлинской стены... Наконец рухнули все кулисы железного занавеса, а за ним и

СССР. Можно считать его империей или чем-то иным. Сомневаться есть основания: если Кавказ и Средняя Азия похожи на классические (хоть и не заморские) колонии, то сибирская тайга, казахские степи - скорее на леса и прерии Америки. Можно считать крах империи закономерным. И все же это крупный геополитический разлом,

При наличии стольких домашних проблем мы горячо спорим о месте России в мире, о внешней политике. Да и зыбка грань между внутренним и внешним миром с неизбежными и долгими фантомными болями. как все еще зыбки сами границы России и понятие "зарубежье", особенно ближнее, а точнее *новое*. Русская диаспора в этом зарубежье, миграции из него в Россию, флот в Крыму, охрана границ СНГ в Таджикистане, движение НАТО и ЕС на восток, объективные пределы вестернизации России, наш во многом уникальный федерализм, экономическое отдаление окраин - это вопросы внешние или внутренние? Видимо, и то, и другое, но от этого их решение не упрощается.

Как отнестись к нынешним границам РФ? Разница между Великороссией в пределах ее исторического старомосковского ядра и в максимальных (все, что побывало в составе страны) достигает 50 раз. Площадь ядра - чуть больше полумиллиона кв. км, современное население - 35 млн. человек. По обоим параметрам близко к Испании. А максимальная территория, раскидавшаяся в трех частях света, достигает 24,5 млн. кв. км. Это не уникальный случай (резкие пульсации переживали многие державы), но один из ярчайших. При этом смещение ядра к западу выдает асимметрию пространственного развития страны и ее европейские корни.

Старый вопрос о принадлежности к Европе или Азии все так же спорен. Понятно, что тут мы уникальны, и не зря византийский орел на старом/новом гербе смотрит в обе стороны. Есть другие биконтинентальные страны (Турция, Египет), но они принадлежат в основном к одной части света. А Российская империя, затем СССР, теперь РФ и Казахстан физически воплощают единство Евразийского материка. Географы так и не установили каноническую границу Европы и Азии, но так или иначе доля европейских частей в площади СССР и России почти одинакова - порядка 1/4, а по ее доле в населении СССР уступал РФ (2/3 и 3/4): сказывалось присутствие Средней Азии. Впрочем, важнее культурно-этнические признаки.

Американский географ Т.Джордан (Jordan, 1973) задавал баллы "европейскости" расам, языкам, религиям и затем складывал общий индекс. Метод сложен и спорен. Поступим так: поделим фиксируемые статистикой народы на три группы - европейскую, азиатскую и переходную. К первой отнесем индоевропейцев - христиан и западных финнов (эстонцев, карелов). Ко второй - ирано- и тюркоязычных мусульман, ламаистов - калмыков, тувинцев, народы Дальнего Востока. В проблематичной переходной группе остаются цыгане, евреи, армяне, носители кавказских языков, независимо от религии, тюркоязычные христиане (от гагаузов до якутов), финноязычные жители Урало-Поволжья и Сибири. В последнем случае важен чисто географический признак - расселение к востоку от русского клина, рассекшего финно-угорский ареал. Как видно из таблицы 1, пропорции в СССР и особенно в России изменились незначительно, этнически она остается европейской. Вот Казахстан и впрямь стал евроазиатской страной с близкой численностью двух групп.

Европейские, азиатские и переходные ареалы можно выделить на карте простейшим способом: к первым отнести регионы, где более 2/3 населения составили "европейцы", ко вторым - места с такой же долей "азиатов", к третьим - такие, где обе группы не дотянули до 2/3 или доминируют переходные. Тогда в России окажется лишь один чисто азиатский регион - республика Тува, присоединенная полвека назад. Переходны другие автономии юга Сибири, Якутия и два западных

ареала - Кавказ и Волга-Урал. Но 77% территории РФ, где живет 87% населения, остаются европейскими. В Казахстане три типа регионов формируют близкие по размерам широтные зоны.

Таблица 1.

Три конфессионально-этнические группы в Российской империи и СССР, в % ко всему населению страны

Годы	1897			1989		
Группы	Империя*	Рос-сия**	Казахстан**	Союз	Россия	Казахстан
Европейская	75,5	86,5	14,8	74,5	86,4	51,2
Азиатская	14,5	6,7	85,4	18,2	6,5	47,2
Переходная	10,0	6,8	0,4	7,3	7,1	1,6

* Без Польши и Финляндии, с оценкой для Хивы и Бухары.

** По кругу губерний, близкому к современным республикам.

Эти расчеты, конечно, не ставят точку в давнем споре о специфике русской культуры. Новые западники считают ее ветвью глобальной европейской сферы, похожей по степени отклонения от ее очага на Америку, и приветствуют вестернизацию России. А для почитателей Данилевского и русских "евразийцев" она никак не Европа, хотя и не Азия. Особый мир, по одной версии, - культурный мост и контактная зона, по другой - самодостаточный изолят в духе "третьего Рима".

Россия, как и СССР, страна многососедская. Только у Китая непосредственных соседей больше (пока 15, но скоро будет 13 за счет Гонконга и Макао). Число ближайших соседей РФ на суше даже выросло: их теперь 8 в Европе и 6 в Азии. Правда, граница с Польшей и Литвой и соседство "второго порядка" с Германией обеспечивает лишь эксклавная Калининградская область. Всех соседей обоих порядков - три десятка, это 30% всей суши, 38% населения планеты и 50% мирового ВВП и экспорта. К соседям поступает более 85% российского экспорта. Числом жителей резко выделяется Юго-Восточный соседский регион, зато на Западный, Европейский - приходится основная часть внешних экономических и гуманитарных связей России. Там живет больше всего россиян за пределами РФ; представители европейских наций (в их числе украинцы и белорусы) преобладают среди меньшинств в самой России.

Наверное, еще долго будут споры о том, европейцы мы или азиаты, великие или уже нет, нужные всем или никому. Однако важнее по возможности трезво оценить сильные и слабые стороны нашего нового геополитического положения, потери и обретения. Попробуем хотя бы перечислить основные.

Минусы.

Россия вернулась примерно к пределам XVII-XVIII веков (в 1795 г. те же 17 млн. кв. км). Она лишилась многих портов, житниц, курортных зон, стала еще более северной и сухопутной страной (Арктическое побережье не в счет), как бы отодвинулась в глухой угол Евразии. Усилилась специализация на всевозможных тяжелых, сырьевых и оборонных отраслях. Обременяет внешний долг СССР, а его должники обычно неплатежеспособны. В основном равнинные, еще недавно вполне условные рубежи на огромном протяжении не обустроены, а по ним уже протянулись целые пояса военных конфликтов, наркобизнеса, контрабанды и просто отчаянной бедности. Мы разрываемся между желанием уберечься от них и сохранить СНГ. "Общеввропейский дом" явно не состоялся; без раскола - не по политическому, так по культурно-религиозному принципу - европейцы видно не могут. Заметна геополитическая переориентация ряда бывших окраин, где поговаривают об опасных для нас блоках (Балто-Черноморском, Кавказском, пантюркском, об-

щеисламистском). Заботит положение русскоязычных меньшинств, беженцев из горячих точек, выводимых и остающихся за границей войск.

Плюсы.

У России остались лучшие ресурсы, технологии, научные силы СССР. Горные границы на Кавказе и Памире не страхуют от бед, а открытые (с Беларусью, Украиной, Казахстаном) все же остаются мирными. Антирусские движения и блоки у наших границ возможны скорее как ответ на попытку имперского реванша со стороны России, и тогда ее ждет новая изоляция. А пока грех жаловаться. Ведь РФ сохранила выходы ко всем без исключения морям СССР и хотя бы по одному порту на каждом (кстати, в пределах областей и краев, а не "автономий"), границы со всеми соседями из числа развитых стран. Мы остаемся великим транзитным коридором через Евразию. Не надо быть супердержавой, чтобы использовать выгоды положения между Европой, Америкой и "тиграми" Азии, их конкуренцию на нашем рынке. Но нужно укрепить этот рынок и порядок в государстве, создать нормальный деловой климат, привлечь инвесторов. А к преуспевающей России неизбежно потянутся и ее бывшие собраты, начнется подлинная реинтеграция постсоветского пространства.

Дело даже не в том, чего больше, плюсов или минусов. Просто гражданскому обществу вслед за официальным имеет смысл принять новые данности. Скажем, ту, что границы РФ-РСФСР, будь они хоть сплошь искусственными (а это не так, ибо половина унаследована от внешних рубежей СССР, да и новые часто близки к историческим), все же легче признать и охранять, нежели менять. Есть ли мирные способы вернуть утерянный престиж? Конечно. Доказали же разгромленные Германия и Япония, что реванш в экономической сфере позволяет добиться большего влияния в мире, чем грубая сила. Мы тоже проиграли войну, пусть холодную, и должны извлечь из этого уроки.

Россия осталась обширнейшей трансконтинентальной державой с мощным поясом стран-соседей, повязанных историей и географией, и с переходным, контактным положением между Европой и Азией. От этого тоже не уйти, и фатального ничего нет. В вузах нас пугали географическим детерминизмом. А было любопытно. Вдруг и впрямь климат или географическое положение так давят на народы, что как они ни бейся - все зря: кто где был, тот там и останется? Но тогда немыслимо, скажем, японское "чудо", удачно тиражируемое Южной Кореей, Тайванем, континентальным Китаем. Императивы геополитики не абсолютны. Потому, когда говорят, что Россия уж так расположена, что нечто такое заведомо обязана, то надо прислушаться. Но сразу и усомниться, ибо таких аргументов мало. Так ли уж обязана, зачем? Ведь положение вариантно, оно подсказывает, а не принуждает. И геополитика, по современным взглядам, может быть агрессивной или мирной, обслуживать изоляционизм и открытость, имперские и добровольные союзы. Тут уже - свобода воли, свобода нашего выбора.

Об интересах и задачах России спорили давно, спорят и сейчас. Несколько пунктов почти бесспорны. *Задача-минимум*: сохранить страну, уберечь от распада. *Задача-максимум*: добиться процветания России, сделать ее одним из центров мировой системы и вернуть авторитет в рамках бывшего Союза. *Внутренний и внешний мир* бесспорно входят в круг наших национальных интересов. Наконец, к ним относится то, что Солженицын назвал *обустройством России* и что наверняка будет делом непростым, учитывая размеры и особенности российских пространств.

2. Внутреннее пространство России и его освоение

Российские просторы наложили сильнейший отпечаток на характер страны. Ведь размеры сразу задают некий типовой набор преимуществ и проблем. Обилие природных ресурсов, широта народной души, но притом социальная разреженность пространства, трудности его освоения и преодоления расстояний.

Освоение всегда было у нас ведущим территориально-экономическим процессом. Широко известны слова В.О.Ключевского: *история России есть история страны, которая колонизируется* (2). Это сближало ее со всеми так называемыми переселенческими странами. А выделяла - необычная, тысячелетняя глубина процесса. Одна старая и курьезная версия даже выводила название страны из слова *рассеяние*. Оно поражало чужестранцев. "Распространение России и русских, занимавших вначале небольшое пространство, на всю необъятную область Восточно-Европейской низменности и за ее пределы является одним из грандиознейших событий всемирной истории. Оно может найти свое объяснение лишь в том, что природа здесь на больших пространствах остается одинаковой, а также в отсутствии естественных преград". Это слова немецкого географа Альфреда Геттнера (3).

Ему вторит тезис об *аспятиальности*, "внепространственности" русской культуры (как нам известно, сам тезис принадлежит Л.В.Смирнягину) (4). Имеется в виду ослабленное чувство расстояния, границы, места, что связывают с монотонностью природы и единством большой родины. Поразительна приживаемость русских поселенцев в любых уголках страны. Это, как отмечал еще Н.А. Бердяев, помогало им расширять свой ареал, но мешает осваивать его. Мы привыкли определять местоположение по административному делению, а не по историко-культурным районам, как иные народы. У нас как бы выпадает региональный мезомасштаб: различимы крупные части страны (Центр, Поволжье, Урал, Сибирь), все знают ближнюю местность, но неформальные районы среднего уровня, вроде Мещеры или Валдая, редки и скорее рудиментарны.

Даже если согласиться со всем этим, то надо спросить: почему так? Думается, дело не только в однородности пространства и подвижности населения.

Во-первых, пространствами России издревле правили большие города. По ним названы современные области и края. Исключений только пять, и все на востоке: Алтайский и Приморский края, Амурская, Камчатская и Сахалинская области. Кстати, их сеть после хаоса советских экспериментов явно сблизилась со старой губернской; иное дело "автономии", в чьих названиях царствуют этнонимы. Да и наши исторические провинции (княжества, городские области по В.О. Ключевскому) тоже именовали по центрам. Их отдаленные аналоги - Псковщина, Смоленщина, Владимирщина и т. п. И они приурочены к историческому ядру России, а на позже обретенных землях их мало: Оренбуржье да Ставрополье - вот вроде бы и все.

Во-вторых, депопуляция российской глубинки в последние десятилетия привела к массе местных культурных и топонимических утрат. Тут и забвение мезорегионов: Чухломы, Пошехонья, Бердюжья. Не меньше потерь сугубо локальных, подрывающих региональную самоидентификацию на микроуровне. А на другом полюсе шла консолидация и экспансия зон, числящихся за главными центрами. Так, понятие Подмосковье вышло за пределы столичной области (на Московской площади в Калуге долго красовался призыв превратить этот старинный областной центр в образцовый город Подмосковья).

В-третьих, кроме городов, как отмечал еще Ключевский, для Руси всегда была важна гидросеть, особенно речная. Это закреплено в региональных структурах, как близких к областным (часто говорится: в Вятском крае, на Дону, на Кубани), так и

более крупных, но не совпадающих с госплановскими районами (Заволжье, Прииртышье, Забайкалье, Приамурье и др.). Наконец, ярко выраженная природно-хозяйственная широтная зональность отражена в категориях Заполярья, Русского Севера, Средней России, Черноземья и Нечерноземья. В общем неформальных регионов с нестрогими, условными границами в России не так уж и мало.

Российский простор имеет очевидные негативные следствия. К ним относят, например, традицию экстенсивного природопользования. Специализация на "торговле природой" воспроизводится со времен Киевской Руси и остается печальной реальностью. Все волны освоения отдельных природных ресурсов закрепляли низкотехнологичные хозяйственныеклады в историческом ядре страны и переносились на периферию. Это отдаляло экологический кризис в европейской части, но в конечном счете усилило его общие масштабы и закрепило нашу хозяйственную отсталость.

Иногда отставание России объясняют ее азиатским, восточным характером. Однако это скорее запаздывающий восточно-европейский, чем азиатский (арабский, индийский, китайский) вариант. Правда, есть и сходство: этатизм и общинность, отсутствие городских свобод, частое вливание кочевников в оседлые сообщества, возрождавшее патриархальные уклады. Однако азиатский феодализм сложился раньше, а исчез позже, чем в Европе. В России он запоздал и в начале. Нетипичен такой стимул централизации, как ирригационные системы. Ведь у нас - "другая", северная, таежно-степная Азия. Государство тут больше заботилось о своем расширении и обороне.

Как бы то ни было, освоение в России - фундаментальная категория. Более того, ее содержание шире, чем у колонизации или немецкого *Erschlissung* как неких актов открытия и присвоения. По-нашему, это процесс, идущий волна за волной, постоянно (что в иных языках означает развитие, модернизацию), а потому включающий в себя и сторону, противоположную эксплуатации территории с ее ресурсами: обустройство, организацию, мелиорацию.

Тот факт, что освоение вообще не всегда поступательно и аккумулятивно, что его волны могут быть приливными и отливными, вызывающими вторичное сжатие освоенных пространств, осознать еще труднее, несмотря на исторические прецеденты. Поэтому депопуляция и девастация земель в российской глубинке, депрессия промышленных городов и т. п. воспринимаются у нас очень болезненно. Причина отчасти кроется в причастности советской идеологии к староевропейской школе прогрессизма, видящей развитие как постоянное приращение к культуре. Кроме того, пропаганда долго насаждала миф о бескризисном развитии при социализме.

В общем, если "русская душа ушиблена ширью" (по Бердяеву), если пространство России является ее благом и проклятием, силой и слабостью (по мнению ряда классиков, начиная с Чаадаева), то это относится и к его освоению, заметно повлиявшему на экономику страны. Оценка данного феномена может быть различной, но в любом случае он сам и его результаты, закрепленные в ландшафтах, заслуживают самого серьезного анализа.

Результаты внутренней колонизации в виде размеров заселенной и освоенной территории действительно впечатляют. Экономически активными считались 2/3 площади СССР, хотя при этом 42% занимали леса и около 30% - сезонные пастбища (5, 6). Таким образом, 3/4 "освоенной" территории использовались лишь первичными видами деятельности, дававшими около 1/6 национального дохода. Заселенной, т.е. имеющей сеть постоянных поселений и дорог, была половина территории (7). В России эти доли еще ниже. Тем не менее ее освоенный ареал (порядка 10 млн. кв. км) сопоставим с площадью всей Канады, а заселенный (7,5 млн. кв. км) - с размерами Австралии.

Проблема расстояний и транспорта для России так же важна, как для бывшего СССР - тот, давая 1/5 глобальной промышленной продукции, выполнял половину грузооборота железных дорог. Между тем, одна Эстония имела европейскую плотность железных и автодорог - около 600 км на 1000 кв.км. В Центре России она меньше в 5 раз, на Урале - в 10 раз, а на юге Сибири - в 20-40 раз. Севернее, от Ненецкого округа до Чукотки, на 1000 кв.км приходится от 1 до 5 км дорог, а в середине этого пояса, на севере Тюменской области и Красноярского края - еще на порядок меньше. Это полюс российского бездорожья. Впрочем, с учетом только обжитой территории или числа жителей (коэффициент транспортной обслуженности), контрасты между крупными районами уменьшатся впятеро, а 8-10-кратное отставание РФ от США снизится до 4-6-кратного.

В России резко выражена асимметрия освоения, не стертая в ходе истории. Тут она отличается от США и Канады, имеющим как старые приатлантические, так и новые, весьма мощные экономические полюса на Тихом океане. Эту асимметрию можно рассматривать как часть *западно-восточного градиента освоенности всей северной Евразии*.

Плотность населения падает с 300 чел/кв.км у Рейна до 120 в Польше, 60 на Западе экс-СССР, 25-30 в Урало-Поволжье и 6-10 человек на юге Сибири. Иными словами, она убывает с каждым шагом в 100 км в среднем на 10%. В России градиент приводит к сужению шаг за шагом на восток зоны сплошного освоения. Треугольник, или клин с вершинами у Балтики (С.-Петербург), Черного моря (Сочи) и у порога Восточной Сибири (Новокузнецк или Абакан) включает львиную долю обрабатываемых земель и почти совпадает с так называемой Главной демоэкономической полосой, вернее с ее более широким и мощным западным отрезком. В этом треугольнике сосредоточено 3/4 населения и производится более 2/3 валовой продукции, в том числе до 4/5 аграрной. В него вписан и городской каркас: 70% больших (от 100000 жителей) городов и все города-миллионеры.

К северу и востоку отсюда освоение носит выборочный, очаговый характер. Кстати, между людностью и площадью провинций обычно имеется обратная зависимость. И у нас плотность населения и дробность республик, краев, областей отвечают среднемировой пропорции. Ведь управление стремится уравнивать число управляемых, компенсируя слабую обжитость подопечного района его размерами. Потому в Эвенкии и на Таймыре сельсоветы обширны как Швейцария, а в Чувашии с ее плотным сельским населением они в 1000 раз меньше. Основные же регионы азиатской России сходны с Канадой и Австралией, а европейские - с США и Южной Африкой.

Внутренние расстояния из конца в конец страны в России в 1,5-2 раза больше, чем в США. Переход же от равнин Китая к русскому Дальнему Востоку поразительно резок именно в плане населенности и освоенности. В течение столетия, начиная с русско-японской войны 1905 года, этот перепад на восточных рубежах был (и вновь является сегодня) предметом беспокойства России.

Вообще-то российскую "депрессию" между Западом и Дальним Востоком можно считать модификацией глобального градиента Юг-Север, ослабляемого на окраинах материков воздействием океанов. Она отражает суровый северный характер России в такой же мере, как и ее широтное простираие. В любом случае градиенты остаются фоном для пространственного развития страны. Это выражается в общей разреженности социального пространства и в нарастающей к северо-востоку ограниченности мест, подходящих для интенсивных видов деятельности.

Еще одна черта России как "океана суши" - это глубинность ее центров, удаленных от моря и от внешних рубежей. Среднее расстояние до них составляет для двух десятков крупнейших городов мира 85 км. У Москвы оно превышало 600; теперь

420, считая Беларусь ближайшим государством. Это самая континентальная из главных мировых столиц, сравнимая разве что с Дели, но этот центр в своей стране уступает Калькутте и Бомбею. Тем не менее Москва благодаря своей столичности была в СССР с 50-х гг. окошком в мир, а с 80-х - все более широкой дверью для вестернизации, подобно приморскому Петербургу в Российской империи и вопреки своему внутреннему положению.

Сдвиг на Восток как тема дискуссий и реальная практика был популярен в течение всего столетия. Ведь еще М.В.Ломоносов сказал, что богатство России будет прирастать Сибирью. В начале XX века Д.И.Менделеев (8) надеялся, что центр населенности будет двигаться в сторону благодатного юга и обильного земель востока. Так и случилось с союзным центром, вышедшим к 1989 году на р.Урал в Казахстане, т.е. к рубежу Азии. Его дрейф все больше зависел от среднеазиатского прироста. Центр территории РФ находится на юге Эвенкийского округа, а демоцентр - в Башкирии, т.е. на 2500 км западнее. За сто лет его дрейф на восток составил 600 км, лишь недавно он чуть сдал назад. Центр сельского населения отклонился на юг. Его быстро обогнал центр расселения горожан. Уже с 1959 года он кружит на одном месте, близ Уфы.

Сдвиги касались и экономических "масс". Центр занятых в промышленности практически повторил трассу городского. Но некоторые добывающие отрасли оказались куда более резвыми. Так, добыча угля, увеличившись почти в 100 раз, переместилась с Южного Урала в Кузбасс. Гигантский скачок совершил центр тысячекратно выросшей нефтедобычи, перебравшийся в Ханты-Мансийский округ. А вот сдвиги центров посевных площадей и урожаев зерновых вовсе незначительны и ограничены все той же территорией между Волгой и Южным Уралом.

Итак, сдвиг на восток в широком экономическом смысле сказался в основном на Европейской России. Недаром Урал, до войны чаще относимый к восточным районам, ныне окончательно закрепился в составе европейской зоны. Урало-Волжский пояс составляет срединный индустриальный хребет современной РФ, чья отраслевая структура ближе всего к среднероссийской. Здешние базовые производства полуфабрикатов (металлов, нефтепродуктов и др.), тяжелого оборудования и машин - это средний этаж российском индустриального здания. Сегодня пояс дает треть промышленной продукции и около 40% экспорта РФ, а вместе с Западной Сибирью до 60%. Добыча же природных ресурсов действительно уходила на Север и в Сибирь, становясь все более дорогой. Особенно после того, как открылись двери ГУЛАГа и рабочая сила перестала быть почти бесплатной.

Расчеты местоположения подобных центров имеют смысл там и до тех пор, где и пока они наглядно показывают реальные направления сдвигов. Но рано или поздно они стабилизируются и усложняются. Во многих больших странах дистанция между центрами территории, населения и производства остается огромной, но за ее сокращение не ведется упорная борьба. Мода на переносы столиц, кажется, проходит. Дело это дорогое, а сокращать расстояния можно по-разному.

В целом постсоветская Россия столкнулась со многими унаследованными от прошлого пространственными, региональными проблемами, а также с их, на первый взгляд, внезапным обострением. К тому же внимание к ним общества было ослаблено. То ли по русской аспатиальности, то ли из-за легкости перемены мест ("мой адрес - не дом и не улица"), а может и по причине понятного игнорирования местных интересов мощными ведомствами, аналогами западных ТНК.

Попробуем определить главные группы таких проблем, с которыми сталкивается современная Россия. Их, по меньшей мере, четыре:

1. Проблемы, связанные с размерами страны. Им соответствуют большая (в СССР почти самодостаточная) хозяйственная масса, потенциально весьма емкий

рынок, гигантизм и монополизм в производстве, сочетание громоздких сырьевых отраслей с наукоемкими при слабости аграрных и сервисных. Добавим сюда асимметричное освоение, разрывы между ресурсной базой на востоке и производством в европейской России, между производством и потреблением. Все вместе это порождает острую проблему преодоления расстояний.

2. Проблемы, связанные с внутренним разнообразием - природным, этнокультурным, хозяйственным, включая асинхронность развития регионов, порой живущих как бы в разных экономических эпохах. Это разнообразие издавна работало на государство, но и подавлялось им из опасений всякого регионализма и местничества. Отсюда и значительная унификация. Переход от борьбы с региональным плюрализмом к его поощрению и использованию уже поставлен как задача региональной стратегии (9). Однако идеал - единство в разнообразии - не так-то легко достигим.

3. Проблемы территориального неравенства, межрайонных отношений (доноры и иждивенцы) как отражение известной дилеммы "равенство-эффективность". В России сильна тяга к равенству, но вплоть до несправедливой, убивающей инициативу уравниловки. Понятен бунт "богатых" регионов, чьи доходы изымаются в пользу "бедных". Но в едином государстве недопустимо, чтобы часть граждан жила намного хуже лишь потому, что привязана к бедной или обедневшей территории. Между тем, у нас сложились весьма глубокие контрасты, включая повсеместный и классический между городом и деревней, центрами и периферией разных рангов, усиленный жестким централизмом управления.

4. Проблемы, присущие эпохам кризисов и смут и связанные с внутренним разладом. Сюда входит проблема регионального сепаратизма, яростная борьба за льготы и привилегии, усиленная привычкой к дешевизне ресурсов и государственным инвестициям. Но рано или поздно игры регионов с Центром должны уступить место игре по общепризнанным правилам.

Как видим, из четырех макропроблем три первых представляют из себя долговременные, если не вечные, и лишь последняя преходяща (но отнюдь не легко разрешима). Вместе с тем, налицо обострение всех проблем, что так или иначе связано с кризисом государственности, с вакуумом на месте советского централизма. Это послужило благодатной средой для местных политиков и политиканов, а для рядовых граждан землячество осталось принципом сплочения и средством защиты от социальных потрясений.

До сих пор обсуждались в основном проблемы из первой группы. Теперь перейдем к остальным.

3. Разнообразие региональных экономик и структурные сдвиги в постсоветский период

Основное внимание мы уделим *структуре занятий населения*, в эволюции которой тесно переплетаются экономические и социальные процессы.

Макроструктура занятости всей Восточной Европы отстала от западной на 30 лет, ибо в 80-х годах доли основных секторов - первичного (аграрного), вторичного (индустриального) и третичного (сервисного), рассчитанные по сопоставимым данным международной статистики, повторили то, что было на Западе в 50-х.

Республики СССР демонстрировали почти весь спектр мировых траекторий сдвигов в этой структуре. Россия и север Прибалтики до распада Союза вступили в не вполне уверенную терциаризацию занятий европейского постиндустриального типа, а Средняя Азия оставалась аграрной, с тенденцией к *обходному движению* к

сервисной экономике, минуя индустриальную, что характерно для третьего мира (10).

Среди российских регионов обнаруживается сходная вариация. На рис. 1 сдвиги в трехсекторной структуре показаны в трехугольной системе координат на примере ряда регионов. Чем выше была вначале доля первичного сектора, тем обычно круче вверх (на индустриальную "горку") взбиралась линия сдвигов. А чем она ниже, тем быстрее и заметнее движение вниз, то есть терциаризация. Правую сторону графика формируют столичные и северные промышленные регионы, где занятость в услугах росла на фоне дезиндустриализации и стабилизации скромного аграрного сектора. Другие регионы средних широт обычно следовали за ними, сперва стремясь вверх, к доле вторичного сектора порядка 45%. А южные и национальные сибирские (Дагестан, Калмыкия, Тыва, Якутия) - тяготели к нижней части и к обходной терциаризации, подобно южным республикам экс-СССР. Если провести биссектрису из нижнего угла, то она окажется границей между регионами, чья структура менялась по индустриальной модели, и теми, где эта модель так и не прижилась.

По этим признакам Россия молода как индустриальная страна, еще недавно ее промышленность размещалась островками на аграрном фоне. Гипериндустриальными и теперь остаются немногие места. К 1990-м годам лишь в восьми регионах Центра, Севера, Сибири и Урала доля промышленности и строительства превышала 50%. Вместе с тем только в шести регионах она не достигала 30%. Это результат широкой диффузии промышленности при спаде занятости в аграрном секторе, а в столицах - за счет дезиндустриализации. В Москве доля торговли, транспорта и услуг теперь превышает 2/3, в Петербурге - достигла 60%. Подмосковье также пошло в сторону дезиндустриализации, хотя доля третичного сектора там ниже.

Столичные регионы служат у нас уникальными фокусами элитного четвертичного сектора (наука, управление, информационные и деловые услуги). Его доля в их структуре достигла 15-20%, а доля двух регионов в России держится на уровне 35-40% и выше.

Анализ экономической структуры вообще-то требует наличия данных о продукции, хотя бы для выявления производительности труда в секторах и регионах. Однако информация ненадежна. Госкомстат давал объемы валового и чистого продукта по регионам только в текущих ценах и старой методологии, ограниченной сферой материального производства и без досчетов по продукции ВПК. Тем не менее структура нетто-продукции, как и основных фондов, в целом сходна со структурой занятий. Самыми аграрными выглядели Северный Кавказ, Черноземье, Тыва и ряд других регионов южной Сибири. Противоположный полюс - урбанизированные Северо-Запад, Север, Центр и Дальний Восток.

Все это обобщено в виде *структурной типологии регионов* на начало 1990-х гг.

Аграрных регионов в России осталось мало. Они приурочены к европейским и азиатским окраинам, причем почти все имеют склонность к опережающей терциаризации. Еще меньше регионов со структурой переходного типа (к индустриальной). Зато в их числе громадные Якутия, Ямало-Ненецкий округ и многолюдные русские (казахы) края на Северном Кавказе. Здесь тоже распространено движение к постиндустриальной структуре в обход индустриализации.

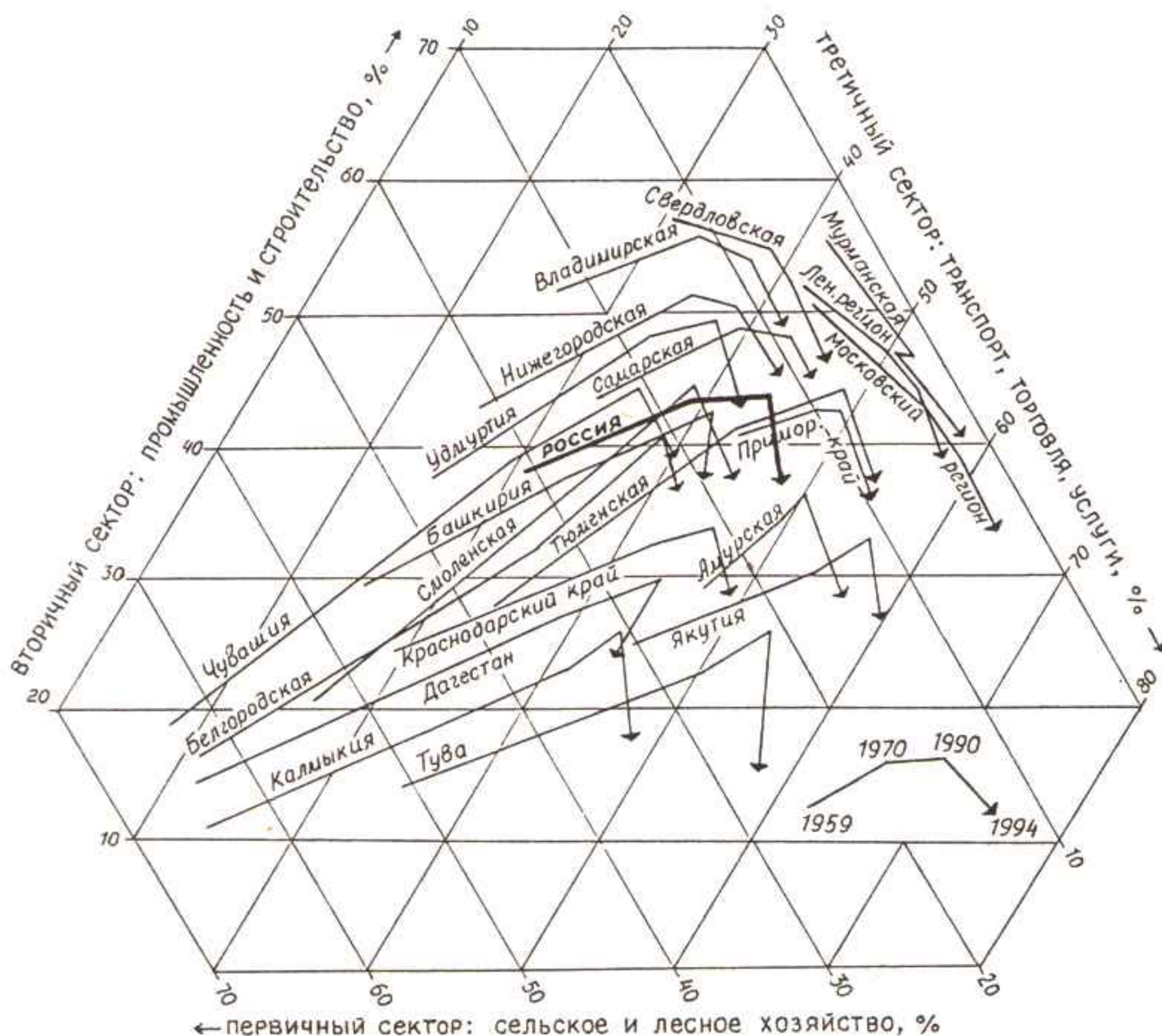
Раннеиндустриальные, собственно индустриальные и гипериндустриальные структуры имеет большинство регионов. Первый тип представлен несколькими очагами, чаще на периферии - внутренней (глубинка) или внешней. Индустриальный тип наиболее распространен: более трех десятков регионов, от Калининграда до Сахалина, причем на окраинах, в отличие от средней России, есть признаки пе-

рехода к постиндустриальной структуре. Гипериндустриальных - только дюжина. Они образуют скопления в Центре и на Урале, а три (Мурманск, Самара и Кемерово) расположены отдельно.

Наконец, столичные регионы составляют *постиндустриальный* тип - ранний (начальный) в Петербурге и среднеразвитый (умеренно третичный) в Москве. Здесь наиболее развита и четвертичная сфера, причем с элементами диффузии из главных центров на периферию регионов особенно Московского.

Рис.1

Сдвиги в макроструктуре занятого населения

Таким образом, регионы России живут как бы в разных социально-экономических эпохах, но основная масса - в индустриальной, что оказывает многогранное влияние на социальную атмосферу. Это феномен сравнительно недавний. Однако часто повторяемое суждение о том, что Россия остается аграрной страной по духу и менталитету большинства ее жителей, само по себе уже несколько архаично.

Региональные сдвиги за собственно постсоветский период выявить не так просто. Есть сомнения в надежности текущей статистики труда (последние данные за 1994 г.). Она худо-бедно отражает процессы дезиндустриализации, отчасти бум в строительстве и финансах. Однако официальная доля розничной торговли остается ниже 15% даже в Москве. Сей артефакт резко противоречит уличной реальности и связан со слабой регистрацией частичной, вторичной, теневой и прочей занятости челночников и иных мелких торговцев. Тем не менее тенденции явно ускорившихся либо изменившихся сдвигов в основных агрегированных секторах все же видны.

Численность занятых в *первичном секторе* вновь сократилась, но на фоне еще более резкого спада в других сферах, особенно промышленной, его удельный вес, напротив, вырос. Причем как без учета примерно 2 миллионов занятых в продуктивном приусадебном хозяйстве, так и с их учетом. К сожалению, данных об их распределении по регионам нет.

Из 11-ти крупных экономических районов семь идут в русле национальной динамики, причем Центр и Северо-Запад (давние очаги сельской депопуляции) - с ускорением. Урал и Сибирь слегка увеличили число аграриев. Вырос трудовой потенциал главных житниц Северного Кавказа, Поволжья, но без адекватной отдачи. Так, Кубань, Дон и Ставрополье снизили объем сельскохозяйственного производства за 1990-94 гг. на 36-42% (в среднем по РФ - 25%). Это с присудебным хозяйством, а сельхозпредприятия потеряли там более 50%. Самый надежный производитель Татарстан (спад - 3%) только сохранил ту же численность занятых.

В целом аграрный характер в максимальной мере сохранили и усилили две пары республик: Дагестан-Калмыкия и Алтай-Тыва, где первичный сектор вмещает от четверти до трети всех занятых. На самом деле и больше, учитывая стойкость традиционного уклада сельской жизни в этих патриархальных регионах. Остаточные очаги подобной структуры (в секторе занято свыше 20%) разбросаны по стране большей частью к югу от Москвы и к западу от Урала. Мест с продолжающимся устойчивым сжатием сектора под натиском других немного, в основном они находятся в Центральной России.

Вероятно, все эти процессы носят сугубо кризисный характер. Хотя прежде отток работников из сельского хозяйства явно ухудшал дела в этом низкопродуктивном секторе и продовольственное положение России, полный возврат ему былых кадров невозможен и не решит проблему. Сегодня их рост облегчает выживание в ряде регионов, да и то не всегда. Лишние руки на селе уже стали реальностью. Как и обозначившиеся в пору кризиса слабые признаки дезурбанизации, симптомы вторичной "аграризации" могут оказаться кратковременными.

Занятых в *промышленности и строительстве* к 1995 г. стало меньше на 6,5 миллионов, или на 20%. Сильно уменьшилась их доля в составе занятых. Обе компоненты спада настолько повсеместны, что можно говорить об устойчивой тенденции *дезиндустриализации* страны. Ее совпадение с эпохой острого экономического кризиса и старые представления о примате индустрии многих заставляют оценивать явление сугубо негативно - как деградацию базовой отрасли российской экономики.

В этом суждении есть доля истины. Но считать данный феномен совсем новым и обвальным нельзя. Десятилетиями он уже шел в старопромышленных (Центр, Северо-Запад, Урал) и особенно в столичных регионах, стремившихся к структуре постиндустриального типа. Так что перемена состоит в пространственном расширении процесса, его выходе в зоны недавней индустриализации. В итоге ситуация почти вернулась к той, что имела место на рубеже 60-х годов: только в 17-ти западных регионах и в 4-х азиатских доля сектора превышала 40%. Из 11-ти крупных

районов лишь Урал и Север сосредоточивали в промышленном секторе такую долю своих занятых.

Более того, сокращение вторичного сектора стало более сдержанным там, где оно началось, скажем в Московском регионе. Правда, скорее за счет строительства, доля которого в составе всех занятых поднялась в связи с известным столичным бумом до 13% (выше только в Тюменской области), тогда как по РФ опустилась ниже 10%. Умеренное сокращение отмечено и в двух индустриальных регионах - Нижегородском и Самарском. Это уже целиком за счет промышленности, притом обрабатывающей. С другой стороны, сюда относятся регионы с умеренным и низким уровнем индустриализации, от Краснодарского края до Бурятии.

Доля сектора остается весьма высокой в Центре России (Тула и старопромышленная группа к востоку от Москвы), на Урале и Средней Волге, в Кузбассе, что говорит об их гипериндустриальном характере. Кемеровская область с ее дотационной угольной промышленностью остается чемпионом - в секторе занято около 50%. Причем доля отдельно взятой промышленности здесь немного выросла, составив в 1994 г. 38%. Аналогичная картина во многих восточных регионах, чья добыча сырья поддерживает экономику России, и в ряде европейских, включая зону добычи руд КМА.

Однако связи с динамикой производства и тут зачастую нет. В текстильной Ивановской области продукция уже к 1995 г. сократилась не менее чем на 2/3, а число занятых в промышленности снизилось, по статистике, с 275 тысяч в 1990 г. до 212-215 в 1994, не более чем на 1/4. Сходная ситуация в соседних областях, где доминирует машиностроение. Заводы простаивают, работники продолжают на них числиться, хотя для заработка им фактически приходится уходить в другие сферы. Недаром при получении крупного заказа директорам уже трудно собрать трудовые коллективы для его выполнения, хотя по бумагам они как бы на месте. Такова реальная картина с занятостью во многих регионах России. И такова, увы, статистика. Но другой нет.

Третичный сектор в абсолютных цифрах вырос незначительно, но на фоне общего сокращения занятости явно укрепил свое место в структуре всех крупных районов и страны в целом. Лидирует Москва, где в секторе (без четвертичного) занято более 2 млн. чел., что сравнимо со всеми "северами", вместе взятыми. В столице отмечен и значительный прирост.

Наряду со столицами всегда выделялись северные и восточные регионы. Их промышленность - нефтегазовая, добыча цветных и драгоценных металлов - производительна, сельского хозяйства почти нет, а потребность в услугах и всякой вспомогательной деятельности велика. Чемпионом в данном случае является Чукотка, где на транспорте, в услугах и торговле (именно в этой последовательности) заняты 46%. Регион показал и максимальный в РФ темп роста этой доли, хотя абсолютная численность сектора уменьшилась из-за быстрого оттока населения. Вообще многое тут зависит от динамики всей занятости. Поэтому внимание привлекают и такие области, как Новгородская, Мурманская, Архангельская, Пермская, Свердловская, где сектор стал более многолюдным на фоне заметного снижения общей численности работников.

Среди исключений, как ни странно, числится та депрессивная Ивановская область, где данный сектор, казалось, мог смягчить напряженность на рынке труда. Правда, доля торговли и услуг здесь тоже выросла, но незначительно, и по его доле область отстала от среднероссийского уровня. А минимальна она у Дагестана, причем сектор сократился и абсолютно, и относительно. Такая же картина на Алтае и в соседней Хакасии. Это произошло в результате неожиданной конкуренции со стороны выросшего здесь аграрного, а в Хакасии - и промышленного секторов.

Противоречива ситуация в *четвертичном секторе*, куда в данном случае включено образование. Рост банковских кадров, но сокращение научных. Управленцев, по официальным данным, стало меньше, а пресса сетует на разбухание аппаратов и администраций.

Результатирующей служит заметное абсолютное и менее выраженное относительное сокращение сектора, потерявшего с 1990 г. около 1,5 млн. занятых. Он уменьшился на 10% и более во всех крупных районах, кроме Северного, Центрально-Черноземного и Волго-Вятского. В последнем случае отмечен даже рост, локализованный, при ближайшем рассмотрении, в Нижнем Новгороде. По сути это единственный случай для крупного центра. В целом же характерен их резкий провал, включая Москву и Петербург. В столице число занятых в секторе снизилось на 20%, понизилась и его доля в городе. Между тем, сектор стабилен в пределах обширного пояса окружающих регионов. Создается впечатление некой компенсации за длительное стягивание, всасывание в столичную "воронку" лучших специалистов страны.

Правда, благополучна в этом отношении не вся периферия, а на востоке РФ темпы сокращения выше московских. Удивляться нечему, ведь сектор в основном финансируется из бюджета, то есть очень скудно (единственное резкое исключение составляют банки). Поэтому отток в другие виды деятельности, для Сибири часто сопряженный с миграционным, неизбежен. Другой вопрос - почему одни центры (Нижний Новгород) все же привлекают занятых в информационно-деловой сектор, а другим (скажем, Новосибирску) это не удастся.

В целом же очевидно, что динамика четвертичного сектора, как и первичного, за годы кризиса заметно изменила не только темп, но и направление, знак во многих местах. Это лишний раз свидетельствует именно о кризисном и тем самым, наверное, временном характере новейших сдвигов.

4. Пространство кризиса: кто страдает сильнее

Глубина кризиса, охватившего Восточную Европу с конца 1980-х годов вполне сопоставима с Великой депрессией 30-х. Таблица 2 это подтверждает. Однако различия между странами с переходной экономикой велики. Они объясняются тремя факторами: внешней и внутренней обстановкой (одно дело объединенная Германия, другое - расколотая Югославия), готовностью к реформам, наличием или отсутствием их задела (Венгрия с ее давними рыночными поисками и благополучно-консервативная Белоруссия) и выбором экономической политики (шоковая либо гомеопатическая терапия и т. п.).

Таблица 2

Основные показатели (индексы динамики в %) экономического кризиса в США (1929-33) и в Восточной Европе, включая РФ (1989-93)

	ВВП	Промышленное производство	Занятость
Соединенные Штаты	70	45	82
Диапазон в Вост. Европе	43-84	30-70	60-99

Составлено авторами по материалам (11).

Восточная Европа проторила путь республикам Союза, где заметный спад был впервые официально зафиксирован в 1991 году. Правда, прежде явно недоучитывалась инфляция, и по иным расчетам спад начался лет на шесть раньше. В России,

на Украине и в Беларуси сокращение ВВП быстро опередило промышленные индексы. У соседей все было наоборот. Выходит, там кризис начался именно с индустрии, а в СССР сперва больше страдали другие отрасли. К 1994 году наибольшие потери продукции накопили страны Балкан и Прибалтики. Но теперь у многих из них, вслед за Центральной Европой, наметился рост. Безработица достигала страшного уровня - 40-60% в Македонии и Албании, чьи аграрные экономики рухнули при первых же шагах к рынку. Но при этом всюду имеет место скрытая занятость в мелкой торговле и т. п., в том числе среди безработных.

Переходя к российскому кризису, начнем с динамики общей занятости в народном хозяйстве. В пяти (западных) из 11-ти крупных районов РФ сокращение отмечено еще в перестроечное пятилетие, когда его компенсировал рост занятых в районах нового освоения. В 90-х гг. спад стал почти повсеместным и особо резким как раз на Севере и Востоке. Полюс - Магаданская область, где число занятых сократилось наполовину. Исключением на этом фоне стала Тюмень, там их число стабильно. Другой, притом новый очаг стабильности - Москва, где 80-е годы отмечены негативной динамикой. Налицо формирование здесь выдающегося по масштабам и качеству рынка труда. Умеренное сокращение испытали разные регионы: Нижегородский, Краснодарский, демографически активные республики Тыва и Алтай.

Как уже отмечалось, у нас отсутствует прямая связь между спадом занятости и производства, особенно на юге страны. Давно трудоизбыточные кавказские и сибирские республики должны были пострадать в первую очередь. Но если экономический спад здесь силен, то по занятым этого не видно, видимо из-за демографического "давления". Иное дело - нефтяная Тюмень, Москва, отчасти Нижний Новгород, где налицо и сравнительное экономическое благополучие.

Зеркальным отражением кризиса занятости в большой экономике служит рост числа *незанятых трудоспособных граждан*, сидящих дома и на огородах, либо не работающих вовсе. Этот резерв труда быстро расширяется во всех крупных районах и в большинстве субъектов РФ за счет сельской местности (в городах страны она немного сократилась). Но надо иметь в виду общую статистическую убыль городского населения за 90-е гг. при росте сельского, притом на миллион с лишним - за счет возвращения сельского статуса малым поселениям, где почти у всех есть огороды.

Почти полную занятость сохранил Татарстан, где в домашнем резерве числится всего 4% трудовых ресурсов. Да и в других местах средней России, где резерв был минимальным, он и остался небольшим. По форме это прерывистый клин, протянувшийся с запада на восток, до Алтая. Преимущество пространственной структуры очевидна и для противоположного полюса, представленного Севером и Югом европейской России, Дальним Востоком. На Чукотке в резерве уже свыше трети трудовых ресурсов. Специфика портовых, рыбацких мест (кроме отмеченных, это Мурманск, Калининград) связана и с гипертрофией мужского, аритмичного, но высокодоходного труда.

Таким образом, далеко не все тенденции в уровне и географии занятости в России связаны с кризисными 90-ми годами, многие из них уходят корнями в прошлое. Впрочем, такое явление, как *безработица*, можно считать новым, поскольку раньше ее как бы и не было....

За 1995 год доля потерявших работу среди экономически активного населения возросла с 7,4 до 11%, хотя официальный уровень безработицы оставался вблизи 3% (свыше 2 млн. человек). Вместе с тем в России, как везде, это феномен региональный, что видно и по заниженным официальным данным (табл. 3).

По абсолютным масштабам безработица заметнее всего в обширной полосе депрессивных, чаще старопромышленных областей, протянувшихся от западной границы до Урала, но в обход Москвы и Нижнего. Чемпионом по доле безработных служит здесь Ивановская область и ее соседи. Другой очаг - Север и Северо-Запад, от Мурманска и Архангельска до Пскова, причем лидирует последний. Третий очаг - Кавказский с соседней Калмыкией, небольшой по масштабам, но самый остропроблемный. Лидирует здесь и во всей РФ Ингушетия, но и в Чечне положение вряд ли лучше. Излишек труда давно выталкивает отсюда население и способствует криминализации.

В этих трех очагах сосредоточена половина безработных России, причем конкуренция за рабочее место тут вдвое острее, чем в среднем по стране. Повышенная безработица встречается и на Востоке (Амурская и Сахалинская области), но не формирует там крупных ареалов.

Таблица 3.

Официальные показатели безработицы в ее основных очагах к лету 1995 г.

Показатели	Сев.-Запад	Центр - Урал	Сев.Кавказ- Ниж.Волга*	Всего в очагах	РФ
Число регионов	7	18	7	32	89
Число незанятых, ищущих работу, тыс. чел.	222	773	165	1160	2236
То же, в % от РФ	10	35	7	52	100
Потребность в ра- ботниках, тыс. мест	16	70	7,5	94	405
То же, в % от РФ	4	17	2	12	100
Число претендентов на 1 ва- кансию	14	11	22	12	5,5
Официальная без-работица в наихуд-шем регионе, %	8	10	20	20	20

* Данных по Чечне нет.

Становится все очевиднее, что с трудоустройством куда легче в крупных центрах, чем в глубинке. Так, число официально безработных в гигантской Москве почти вдвое меньше, чем в крошечной Ингушетии. Ситуация на рынке труда в городах благополучнее. Между прочим, это заставляет задуматься о стратегии расселения беженцев и мигрантов, которых обычно стремятся направить в глубинку. Но если там бывает легче с жильем, то с работой - тяжелее.

Кризис в производстве.

Региональные сдвиги по макроэкономическим показателям довольно противоречивы. Общая контрастность пространства вроде бы нарастала, но происходило выравнивание по участию промышленности в производстве чистой продукции, что связано уже не столько с индустриализацией аграрных районов, сколько с общим опережающим ростом цен на промышленную продукцию.

Промышленный спад в физическом объеме продукции составил в конце 1995 года к декабрю 1991 почти 50%, что близко к потерям ВВП. Кстати, в 1942-м сильнейшее за два года войны сокращение национального дохода всего СССР достигло, по официальным данным, 34%, а промышленной продукции - 23%.

За первые три года регистрируемого спада (1991-93) индустрия России сбросила ту треть, которую однажды оценили как избыточную (12). Кстати, примерно ту же треть потеряла Польша до начала подъема в 1992 г. и страны Балтии до 1994 г. В ряде Балканских стран дело шло к утрате 3/4 былого объема продукции. Очевидно,

что кризис тут с самого начала приобрел структурный характер, и потери по отраслям вряд ли совпадают с былыми "избытками".

Сильнейший спад испытали легкая промышленность и машиностроение. Положение сырьевого комплекса и отраслей первого передела выглядит заметно лучше главным образом благодаря экспорту. Наиболее стабильны газовая и нефтяная отрасли, относительно меньший урон понесли энергетика, черная и цветная металлургия и лесной комплекс (даже "лежачие" целлюлозно-бумажные комбинаты - во многом за счет иностранных инвестиций).

Сравнение динамики в текущих ценах и в физическом объеме (хотя оценки Госкомстата РФ для многопродуктовых отраслей приблизительны) уже в первые годы кризиса дало понять, как отрасли компенсируют натуральный спад ростом цен. За 1990-93 годы 25-кратным ценовым возмещением одного процента физического спада отличились отрасли ТЭК, 14-кратным - черная металлургия. Производители иных конструкционных материалов, полуфабрикатов и пищевой продукции сумели повысить эти удельные цены в 7-10 раз, машиностроение - в 6, а легкая промышленность - менее чем втрое. В целом по индустрии возмещающий рост цен составил 8,5 раз. Как видим, цены вздували и так называемые естественные монополисты, и не очень-то естественные, вроде металлургии. Впрочем, лидеры инфляционной гонки, как и аутсайдеры, застревают в неплатежах.

Результаты показаны в таблице 4. Доля отраслей завершающей переработки упала с 60 до 40%. Доля машиностроения сперва еще росла в старых ценах, но затем обвалилась. Вообще, даже отставая в гонке цен, отрасли-финалисты пытались удержать объемы производства, но вскоре уперлись в сжатие спроса и конкуренцию импорта. Конверсия ВПК с переходом на товары потребления тоже усилила конкуренцию, убивая гражданский сектор. Добывающие производства до 1992 г. держались в рамках традиционных 10%, затем вырвались вперед. Доля топлива и энергии подскочила с 1/8 до 1/3 в ценах 1994 года. Таким образом, промышленный спад сопровождался явной примитивизацией структуры производства, усилением его сырьевого характера.

Таблица 4.

Изменение структуры промышленного производства (РФ = 100)

Отрасли	В текущих ценах		В ценах 1992 года	
	1990	1994	1990	1994
Добывающая	8,1	14,5	15,5	21,9
Обрабатывающая	92,9	85,5	84,5	78,1
Электроэнергетика	4,3	13,2	5,0	8,2
Топливная	7,6	17,7	16,0	21,4
Черная металлургия	5,3	9,3	7,9	8,5
Цветная металлургия	5,7	7,1	9,5	9,7
Химия и нефтехимия	7,3	7,2	8,5	7,7
Машиностроение	31,2	18,2	21,0	15,9
Лесной комплекс	5,4	4,1	4,6	4,4
Пром. стройматериалов	3,5	3,9	3,1	2,3
Легкая	12,1	3,0	8,4	6,5
Пищевая	12,7	12,1	10,2	8,1

Составлено по данным Госкомстата.

Географию промышленного кризиса нельзя признать простой проекцией отраслевой динамики на территорию страны. Регионы с близкой структурой производства выглядят по-разному, в зависимости от их положения, мощи и статуса.

По статистике, число *убыточных предприятий* выросло с 4-5% в конце 1992 до 26% к середине 1995 года, но на Чукотке - аж до 2/3, а в Московской области - лишь до 1/7. "Команды чемпионов", где около половины предприятий убыточны, весьма устойчивы. Это почти весь Дальний Восток, юг Сибири (Тува, Алтай, Бурятия). Во всех республиках, кроме Татарии, Башкирии и Карелии, эта доля заметно выше средней и составляет 1/3 и более предприятий. В Центре и на Северо-Западе процент убыточных предприятий невелик. Нужно, впрочем, учесть, что если заводы просто стоят (скажем, в Иваново), то не производят ни прибыли, ни убытков. Поэтому есть смысл учесть потери рабочего времени, но это не меняет общей картины: кризис достигает апогея на юге европейской России и Сибири, что отвечает общему представлению о "сильных" и "слабых" регионах.

Постоянный очаг кризиса 90-х годов составляют республики Северного Кавказа - экономически слабые, беспокойные в политически и этнически. Они ежегодно показывали сильный спад и в итоге сохранили менее 30% продукции. В десятке первоначальных лидеров спада позже удержались пять регионов, и все кавказские. Районы с маломощной индустрией всегда отличались скачущей динамикой. Так, республика Алтай, последней показавшая в 1991-92 гг. 5% роста, быстро опустилась к индексам ниже средних по РФ.

В 1994 году произошло некоторое улучшение в Ивановском текстильном ареале. Он давно (едва ли не с 30-х гг.) испытывал полускрытый ползучий кризис и был буквально сокрушен первой переходной волной. Теперь терять осталось уже только треть прежнего объема продукции. Замыкавшая десятку прежних лидеров спада Свердловская область в том же году рывком вошла в десятку регионов с минимальным спадом (но накопленный - все же превысил 1/2).

В целом картину индустриальной депрессии отличает известная смещенность не только к югу, но и к западу РФ, особенно если выяснить, где спад в последние годы сильно разгонялся: на востоке таких регионов всего три (1/7 общего числа), а в европейской части - 18 (почти 1/3). Это уже вполне соответствует отраслевым тенденциям, резко разводящим добывающие и финальные производства.

Итогом всех противоречивых тенденций стало формирование *двух длинных, но прерывистых зон депрессии*, где потеряно свыше двух третей былого объема производства. Первая идет через всю страну от Финского залива до Берингова пролива, но с отклонением на юг в середине пути. Вторая пересекает наискосок европейскую часть - от того же Финского залива до Каспия и восточного Кавказа, где утраты достигают 3/4 и даже более того. Они пересекаются в Центре России, где область депрессии зато обширна и плотно облегают очаги менее сильного спада (Москву, Нижний, Липецк).

Такие очаги вообще более фрагментарны. Правда, это почти весь вывозящий сырье Север. В иных местах успех тесно сопряжен с госдотациями, скажем в угледобычу (Кузбасс, Ростбасс, Воркута), но итог довольно скромный: потери продукции не менее 40%. Кстати, поддержка энергетики и угольно-металлургических районов типична для многих стран Восточной Европы. Конечно, если ресурсы сочетаются с местным либо с федеральным протекционизмом, производству выжить легче, особенно вначале. Но надолго ли хватит бюджетных подпорок, особенно если селективная стратегия станет более жесткой и реальной?

В целом наша индустрия, включая обрабатывающую, оборонную, вполне жизнеспособнее, учитывая наличие сырья, научно-технической базы, индустриального менталитета, завоевавшего обширные регионы былой аграрной державы.

Кризису 90-х годов в сельском хозяйстве предшествовал этап стагнации. В ряде мест, особенно в Нечерноземье, она переходила и в спад производства, в резкое

отставание от Запада и от других отраслей российской экономики. Нарастали огромные структурные диспропорции.

Затем кризис сбыта (точнее, старой системы сбыта государству), связанный с переходом к рынку, наложился на традиционный для плановой экономики дефицит ресурсов и слабость государства. Продолжая из года в год накачивать сектор деньгами в виде льготных кредитов, субсидий на процессы и материалы (посевную, удобрения, топливо), списывать долги, оно зато перестало платить за продукцию. В лучшем случае оплата поступала зимой или к весне, обесцененная инфляцией в 2-4 раза. Таким образом, кризис отрасли связан не с ее неудачным реформированием, а с общей экономической ситуацией в стране. Более того, вышеописанный способ поддержки производителей поставил в наихудшее положение сильные хозяйства, лишив их стимулов к наращиванию продукции, бесплатная сдача которой государству только множит убытки. В результате политической борьбы и лоббирования был выбран самый дурной путь поддержки в первую очередь слабых неэффективных хозяйств.

В целом по РФ к концу 1994 года агропроизводство сократилось на 25% по сравнению с 1990 г., что значительно меньше, чем в промышленности. Отчасти это связано с известной инерционностью сельского хозяйства и с его постоянным дотированием, но главным образом - с ростом личного "подсобного" сектора. Общественные хозяйства вместе с фермерскими сократили продукцию на 40%, а на подворьях она выросла за то же время на 20%. Однако уже в 1995 году спад во всем сельском хозяйстве превысил промышленный.

Наибольший урон понес технический уровень хозяйства: внесение минеральных удобрений сократилось в 7 раз, их производство - вдвое (часть идет на экспорт), выпуск тракторов уменьшился также всемерно. Заметно упало поголовье скота (на 25-35%) и его продуктивность. Все это - результат непоследовательной политики и той растерянности, в которой пребывает большинство аграриев, не зная, что с ними будет завтра, не умея приспособиться к новым условиям. Впрочем, посевные площади, в том числе под зерновыми, сжались незначительно, а посевы и сбор картофеля, овощей почти не изменились, не считая того, что они решительно переходят из общественного сектора в личный.

Особенно сложна ситуация в животноводстве. Это во многом объясняется тем, что сохранять былые масштабы дотаций убыточной отрасли и столь же мощный импорт фуражного зерна государство не могло и от последнего отказалось. Однако до 1995 года на фоне лежащих коллективных хозяйств крупные животноводческие комплексы с их полупромышленной технологией выглядели неплохо. Отсюда резкое усиление концентрации животноводства в ряде областей и районов. Происходило как бы вымывание среднего звена и производство мясомолочной продукции разбегалось по полюсам: с одной стороны, на специализированные комплексы, а с другой - к населению. Однако с приближением внутренних цен на зерно к мировым положение гигантов ухудшилось. Дороговизна их продукции и конкуренция импортной в больших городах привели к банкротству крупнейших комплексов, особенно птицеводческих и свиноводческих.

За четыре года кризиса общий объем агропроизводства сильнее всего упал в коллективном хозяйстве прежде весьма благополучных южнороссийских районов (а также дальневосточных). Кризис ударил по житницам сильнее, чем по хворому Нечерноземью, где динамика лучше среднероссийской. На первый взгляд, это странно. Тут могли сказаться два фактора. Во-первых, прежняя депрессия была так глубока, что и терять-то нечего. Во-вторых, низкотоварное, почти натуральное и потому диверсифицированное хозяйство на первых порах более живуче. Нет, ситуация в этих областях не улучшилась, их агрокризис, начавшийся задолго до ре-

форм, как раз в разгаре. Урожайность зерновых по-прежнему на 5-15 центнеров не дотягивает даже до заданного природой минимума, надой молока и поголовье скота падают. И все же кризис здесь не так обвален, привычен, а значит и воспринят не столь болезненно, как в районах товарного хозяйства.

Устойчивые региональные различия, наблюдаемые в 1980-х и раньше, все же сохранились, хотя именно сильные районы-лидеры по указанным выше причинам пострадали сильнее. Скажем, коллективные хозяйства Московской области - явно-го лидера дореформенного агропроизводства - сбросили за 4 года 35%, тогда как соседние Костромская, Ярославская, Калужская - 28%. Но прежние различия в продуктивности были столь велики, что лидеры все равно сохраняют повышенные урожаи и удои. Так, урожайность зерновых в 1993-94 годах, в период пика кризиса, сохраняла те же градиенты. В Московской области - порядка 20 ц/га, а в соседней Калужской, где потеплее и земля лучше, - 14 центнеров.

В общем, при прочих равных выделялись урбанизированные области и пригородные ареалы. Разница в урожайности культур между центральными и периферийными районами внутри областей достигает в Нечерноземье 2-4 раз. Несмотря на падение производства все так же заметна повышенная продуктивность южных черноземных регионов. Лидеры по молочной продуктивности - те же крупногородские либо равнинные северо-кавказские регионы.

Большинство коллективных предприятий убыточны. И очередные списания Правительством половины долгов их не спасли. Однако механизма их банкротства в России по сути нет. Нет даже прецедента изъятия и продажи банком заложенного имущества, поскольку оно оказывается абсолютно неликвидным. Зато финансовое положение предприятий реальнее всего отражает положение в сельском хозяйстве регионов. В среднем по итогам 1994 года потенциальными банкротами были 72% всей коллективных хозяйств (с учетом дотаций и субсидий). Кстати, еще в начале 1980-х гг. 2/3 всех колхозов и совхозов были убыточны. Правда, на рубеже 90-х денежные вливания создали дутую прибыльность, снизив официальную цифру убыточных хозяйств.

Менее половины хозяйств убыточны в единичных регионах: все в той же Московской области, на равнинах русского Кавказа, да еще в Красноярском крае. Чемпионы по задолженности - северо-восточные области РФ: в Магаданской - 574 тыс.руб. на одного занятого в сельском хозяйстве. Высока она в Предуралье и на севере Черноземья, от Орла до Челябинска. При этом хорошо видна цена искусственного благополучия в островках "социалистического рая": в Орловской, Ульяновской областях, Татарстане и Башкортостане. По показателям спада в коллективных хозяйствах они выглядят одними из лучших. Но это результат местного протекционизма, постоянного вливания средств через бюджет в убыточный аграрный сектор за счет других отраслей.

Одним из структурных результатов кризиса стал резкий рост доли *личных подсобных хозяйств (ЛПХ)* населения. Удавка, так долго душившая крестьянскую инициативу, поослабла. Им разрешили прирезать земли к подворьям, а указ Президента от 7 марта 1996 года вроде бы закрепил этот скромный передел. К земле потянулись и горожане, спасаясь от безденежья и дороговизны. Все, у кого был хотя бы крошечный участок за городом, стали выращивать на нем картошку, овощи. В 1994 г. 88% картофеля, 67% овощей, 42% мяса, 39% молока дали ЛПХ. Доля коров и свиней в собственности населения выросла с 1/5 в 1991 до трети 1995 году, овец и коз - до половины. Общий вклад ЛПХ в агропроизводство, по оценкам Госкомстата, увеличился с 24% в 1989 году до 38% в 1993-м.

Впрочем резервы трудоинтенсивного, но технически примитивного личного хозяйства быстро приблизились к исчерпанию. В 1994 г., впервые в большинстве ре-

гионов продукция ЛПХ не выросла, а во многих и упала. Весьма устойчивы в нем региональные различия. По-прежнему скромнен вклад ЛПХ в пригородных зонах. Хотя горожане усилили там свою дачно-аграрную деятельность, она все равно несопоставима с личным подворьем глубинки, всегда служившим там главным средством выживания. На окраинах нечерноземных областей ЛПХ дает более 60% всей аграрной продукции. Его доля вообще мала в урбанизированных регионах. Тут же и Ульяновская область, знаменитая дешевыми продуктами и торможением аграрных реформ. Сильнее всего продукция ЛПХ выросла в Нечерноземье к северу от Московской области, то есть там, где общественный сектор давно стал безнадежным. В Центральном районе в целом оно выросло на 36%, при среднероссийском росте на 19%. А на Северном Кавказе упало не только общественное производство, но и личное. Правда, это одна из основных зон фермерских хозяйств.

Еще один феномен - *сельская безработица*. Официально летом 1995 года ее уровень слегка превышал городской (2,8%). Однако контрасты велики, в некоторых областях Нечерноземья она достигает 7-10%, как и во многих автономиях. Однако вычленить собственно сельскую безработицу можно только в периферийных районах, удаленных от городских мест приложения труда. Именно там она особенно высока. Например, в чисто сельском Некоузском районе, отстоящем от Ярославля на 150 км, официально фиксируемый службой занятости уровень безработицы составлял летом 1995 года 11%.

Причины различны. Скажем, активные председатели, опираясь на надежных и малоопытных работников, выживают остальных. Чаше люди сами уходят из колхозов (АО, ТОО), ибо заработок мал и нерегулярен. В любом случае это феномен парадоксальный, поскольку сельские безработные часто живут на доходы от своего товарного ЛПХ, которые могут превышать и пособие, и былой заработок.

Таким образом, известный тезис о нехватке работников на селе попросту неверен. Дело ведь не в числе людей, а в производительности их труда. Но социальная, инфраструктурная разреженность сельских пространств России так велика, что надежд на быстрый подъем немного. Если, например, американский фермер кормит 74 жителя США и 27 иностранцев, то наш крестьянин и в докризисных 80-х кормил с десяток россиян с трудом и не сытно.

Поэтому аграрный сектор России представляется одним из самых безнадежных в ближней перспективе. Накормить страну, ее большие города он явно не может при любых подпорках и дотациях. Выход пока один - ввозить продукты, платя за них промышленной продукцией. Лучше сложной и дорогой, чем сырьем. Этот путь весьма неприятен с точки зрения надежности и национальной безопасности. Но он сейчас доступнее, как был доступен на протяжении полувека Германии, Японии, а еще раньше и дольше Англии. Теперь там все иначе, но нам до этого далеко. Конечно, отечественные производители никогда такого не примут (и будут по-своему правы). Однако есть еще и потребители.

Кризис платежей трудно обойти молчанием хотя бы в силу его сегодняшней актуальности. Правда, данные у нас устарели (1995 год), но пространственная картина в основных чертах довольно устойчива и характерна. Сумма общей задолженности предприятий (дебиторской и кредиторской) давно превысила объем их чистой продукции. Однако в Москве все же было наоборот, а на тюменском севере и в ряде других сибирских регионов превышение многократное. Сходные различия прослеживаются по доле просроченных долгов: она низка в Московской, Нижегородской областях, а выше всего в Магаданской. Иными словами, в данном случае активно работает положение региона, точнее схема Центр-Периферия, причем принадлежность к последней важнее, чем экономическая мощь. Она даже усугубля-

ет кризис у главных производителей и экспортеров топлива. Специфический и хронический характер неплатежей на селе тоже очевиден.

Неплатежи в бюджет, задержки зарплат и пенсий - вопрос особый. Но они подчинены по сути дела той же логике и представляют собой в основном внестоличный феномен. Например, московские пенсионеры с ним почти незнакомы, а уже на периферии Московской области, особенно сельской, он хорошо известен.

Концентрация производства, если она усиливается, означает определенный перелом. Ведь в прежние десятилетия шел процесс рассредоточения *индустрии* за счет диффузии из старых очагов. В 1990-х гг. смена лидеров идет в том же направлении. Москва с Подмосковьем остались первыми по объему производства в текущих ценах, но их вес в РФ упал с 12 до 7-8%. Ленинградский же регион был вторым, а стал восьмым; его место заняла Тюменская область (рост с 3,7 до 6,3%). Третьей была и осталась Свердловская. Самарская и Красноярский край впервые вошли в первую пятерку.

Как показал более детальный анализ, добывающая индустрия явно концентрируется: пять лидеров дают 57% продукции, в том числе Тюмень более трети. А в обрабатывающей идет довольно вялое выравнивание. Заметно стягивание производства к оси Ямал-Урал-Волга, ставшее главным станковым хребтом российской промышленности. Символично, что в машиностроении, где недавно лидировали Москва и Петербург, на первое место вышла Самарская область. Кстати, и степень отклонения отраслевой структуры промышленности от общероссийской минимальна именно в Урало-Поволжье, а также в соседней Ростовской области.

В целом же разнообразие отраслевых структур возросло, причем за годы реформ в регионах заметно усиление профильных отраслей. На Урале, в Кузбассе это черная металлургия, в Восточной Сибири - цветная. Доля машиностроения, при общем падении, выросла в центрах типа Самары, Нижнего и в бывших текстильных. В химических - усилилась химия. Вес пищевой растет в южных аграрных районах России, а также в столичных.

Углубление специализации регионов и эффективно, и благотворно для единства экономического пространства России: нужен широкий сбыт и снабжение. Однако концентрация сверхприбыльных производств, особенно экспортных, способствует проявлению известных замашек монополиста. Это нефтегазовые, отчасти угольно-металлургические и иные регионы, вздувавшие цены, получавшие торговые и прочие льготы, пробивавшие свои интересы в ущерб менее влиятельным территориям.

Сельское хозяйство отличалось у нас низкой концентрацией и нацеленностью на самообеспечение регионов картофелем, продуктами животноводства. Даже по зерну только на Северном Кавказе и в ЦЧР доля в сборах сильно (в 1,5-2 раза) превышала долю в посевах. В остальных районах, официально считавшихся зерновыми, соотношение было обратным из-за низкой продуктивности. Позиции двух лидеров зернового производства (Кубани и Дона) пока не изменились, хотя их доля упала. Перестройка остальных регионов более заметна. А на уровне первой десятки регионов концентрация производства зерновых резко усилилась, они вновь стали давать половину его сборов. Усилилась и концентрация молочного хозяйства как результат падения поголовья в большинстве районов, кроме устойчивых пригородных и южных. Эту тенденцию не смогло перебить нарастание доли ЛПХ и тем самым - глубинки в производстве молока. А вот рассредоточение по ним картофеля сыграло решающую роль.

В целом неоднородность аграрного производства пока что нарастала, в том числе внутри областей. Лучше выживали крупные пригородные хозяйства, продолжая кормить средние и отчасти большие города, либо растащенные по подворьям периферийные. А сильнее всех пострадала полупериферия, где наблюдается

наибольший спад производства. Хозяйства там теряют специализацию, пробуя все что угодно по принципу: авось на чем-нибудь да выживем.

Конечно, теряется часть традиционных внутренних связей и зависимостей. Возникают новые коммерческие, связанные хотя бы с разной торговой ориентацией регионов. Говорят, ассортимент нашего производства и импорта постепенно расходится. Налицо и географическое расхождение. На завозном продовольствии держатся Москва, Петербург, Екатеринбург, портовые и приграничные центры, а большинство глубинных ориентируется на российскую продукцию.

Пространство общего кризиса.

От анализа отдельных процессов перейдем к выявлению депрессивных ареалов. Прежде всего выделим качественно различные отрезки на всем переходном периоде. В самом общем виде их три:

1. Предкризисный, с деградацией старой системы и робкими попытками ее обновления. Налицо затухание прежних тенденций пространственного развития, эрозия его принципов и т. п.

2. Собственно кризисный, когда разрушение старых структур и связей опережает формирование новых. Общий фон: инфляция, экономический спад, споры о сути происходящего, метания властей и населения. Говорить о новом пространственном развитии еще рано, наблюдаются пространственные вариации негативной динамики (где-то симптомы кризиса сильнее, где-то слабее). Появляются пионеры новых форм деятельности, но ее очаги могут оказаться неустойчивыми.

3. Посткризисный, с преобладанием процессов упорядочения и созидания. Вырисовываются контуры нового социального пространства. Тут могут быть существенные отличия от географии первых проб, хотя зависимость от результатов предыдущего отрезка и успешности этих проб несомненна.

Сегодня Россия безусловно находится на второй стадии, в лучшем случае недалеко от перехода к третьей. Но уже пережитое, причем не только нами, говорит о разнообразии сценариев, вариантов на ранних отрезках. Так, при вползании в кризис мы наблюдали разный уровень радикализации общества, его готовности к переменам. В разгар кризиса варьировала его острота, бывал спокойный вариант, ограниченный социально-экономической сферой, и беспокойный, с политическим хаосом, военными столкновениями. На третьей стадии будут важны пропорция между рыночными и командными механизмами, с которой мы выйдем из кризиса, и конкретная экономическая база подъема.

Предкризисный период был разным в центре Европы и в бывшем СССР. В Польше уже схватку "Солидарности" с режимом считали кризисом, и тамошние регионалисты первыми проанализировали его пространство (13, 14). Они провели различие между *пространством общего кризиса* и *кризисом конкретных пространств*, то есть между дифференциацией явлений повсеместных (инфляция, развал потребительского рынка) или типичных лишь для отдельных мест. И выявили циклическую динамику: сперва выравнивание "вниз", когда от сбоев в снабжении сильнее страдают крупные центры, чем непритязательная периферия (хотя власти лавируют, что-то подбрасывая очагам забастовок и т. п.), а затем, с укреплением рынка, воссоздание прежних различий и ускоренный рост новых структур в ведущих центрах.

Все это мы видели у себя с конца 80-х гг. и позже. Тот же упадок элитных центров, сменившийся их лихорадочной деловой активностью. Те же волнения депрессивных районов, "усталых городов". Сперва по поводу экологических бед, которые быстро затмили еще более острые экономические проблемы. Те же маневры центральных властей в отношении районов-бунтарей и местных - в отношении охраны своих рынков дефицита. В России эта стадия породила ряд региональных феноме-

нов, вроде Ульяновского "красного заповедника". Задержалась она в Беларуси и Украине, где реформы сильно запоздали.

Вообще различаются *западный и восточный типы кризисных пространств*. Первый отвечает логике кризиса, по которой спад производства в регионах порождает безработицу, а та - отток населения. Так, в Венгрии эти индикаторы низки в Будапеште, на западе страны и высоки на старопромышленном севере и периферийном востоке. Пример второго типа дала Украина, где корреляция между показателями отрицательна, а лучше жили те районы, что избегали реформ и сидели на дотациях (Донбасс и др.). В Польше есть и то, и другое. Познань, лидер западной зоны, стала вторым после Варшавы деловым центром с массой СП, банков и ростом производства. Нижняя Силезия и Лодзь, напротив, в упадке. Но внешне благополучна Верхняя Силезия, аналог Донбасса. Здешнее лобби под угрозой забастовок продолжало выбивать у государства помощь крупным для крупных предприятий. Но это благополучие, скорее всего, временно.

Похожая картина в России. Правда, у нас есть обширная зона, не имеющая аналога в Восточной Европе. Это Север, где взлет цен на сырье поддерживает ведущие производства. Однако резкое обострение проблем бюджетников, транспортное отдаление и др. привели к сильному оттоку населения.

В известных нам опытах выделения кризисных регионов РФ задействованы одинаковые критерии: 1) сильный промышленный спад, 2) низкая зарплата или душевые доходы (взвешенные на уровень цен), 3) высокая безработица. Есть нюансы нормирования и агрегирования показателей; обычно это простая сумма мест или баллов. И результаты похожи, причем дефект видится в мнимом благополучии всего Севера. Ведь доходы там высоки, спад производства умеренный, да и безработица обычно небольшая либо ее вклад незаметен.

Добавим баланс миграций в расчете на 1000 жителей, отражающий "голосование ногами" за или против разных регионов. Их вклад в итоговый индекс может оказаться решающим из-за сильной вариации. В ходе кризиса она нарастает, как и у других параметров, за исключением безработицы. Коррелируют показатели довольно слабо (табл. 5). Но уровень сопряженности в общем повышается, кроме пары безработица - отток населения: ведь в "отточных" (северных и восточных) районах безработица росла медленнее, чем в "приточных" (центральных, юго-западных). В целом индикаторы можно считать взаимодополняющими. Если все они указывают на неблагополучие, то положение района, видно, и впрямь тяжелое. И наоборот.

Таблица 5

Коэффициенты парной корреляции (по регионам РФ) между показателями с предполагаемой функциональной зависимостью

Показатели	1991-1992	1993-1994
Спад производства - уровень безработицы	0,11	0,32
Спад производства - удорожание жизни	0,23	0,27
Уровень безработицы - отток населения	0,26	0,09
Уровень безработицы - отток населения	0,55	0,62

Что касается контрастов в вариации и тем самым во вкладе исходных показателей в итоговый, то его можно выровнять с помощью известного в статистике метода стандартизованных рядов. Суммы таких стандартизованных значений лежат в основе общей оценки регионального благополучия (рис. 2).

Выделяются три типа кризисных ареалов (15).

1. В стрессовой зоне вооруженных конфликтов (российские Балканы) плохи все показатели. В России она ограничена Северным Кавказом и даже его частью, в центре которой - Чечня.

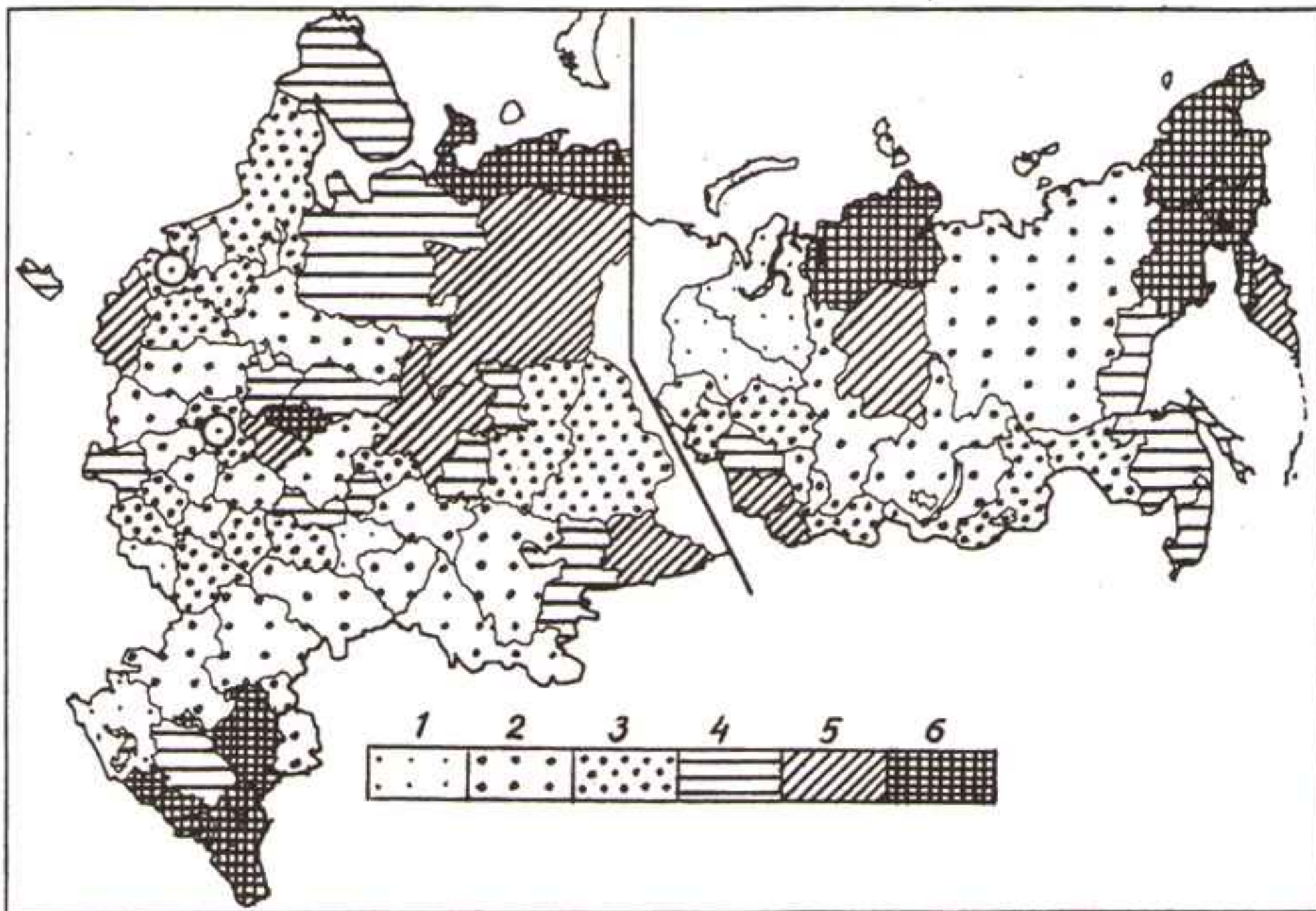
2. Шире представлен тип "нищающих окраин", чаще также национальных, но нередко северных и восточных (Чукотка). Тут всюду низки реальные доходы, уезжает население. Но безработица может быть и невысокой.

3. Зоны классической депрессии, где сильны спад производства и безработица (эталон - Ивановская область). Однако они притягивают население, а некоторые регионы избежали резкого обнищания.

Рисунок 2

Агрегированный индекс регионального неблагополучия, 1993-94

Сумма стандартизированных значений четырех показателей: вздорожания жизни, промышленной динамики, безработицы и сальдо миграций.

Регионы: 1 - весьма благополучные, 2 - благополучные, 3 - относительно благополучные, 4 - относительно неблагополучные, 5 - неблагополучные, 6 - весьма неблагополучные.

5. Пространство реформ: их принятие и отторжение

Нынешние реформы - не первые в истории России. Попытки модернизировать страну продолжают, как минимум, три столетия, начиная с Петра Великого. Выявлен некий цикл, повторение реформ через 20-40 лет, каждый раз с откатом назад. Его всегда предваряет усиление неприязни к Западу как чуждому миру и оправдывает тезис о неготовности общества, об уникальном пути его развития. Отметивший этот феномен В.Рязанов (16) связывает его с внешним, экзогенным импульсом

реформ (а не эндогенным, как на Западе), присущим странам с "догоняющим" развитием, среди которых мы задержались именно потому, что не доводили реформы до конца.

Первым по значению результатом нынешней волны стала *либерализация цен*. В 1992 году их среднемесячный рост составлял 31%, в 1993 году - 20%, в 1994 - 10%, в 1995 - 7%. Потребительские цены быстро росли на Востоке и европейском Севере. В конце 1991 г. месячная цена стандартного набора продуктов питания при их остром дефиците, всюду составляла примерно 1/5 доходов граждан. Через год дальневосточная корзина была вдвое дороже поволжской. Осенью 94-го та же корзина в Ульяновске стоила впятеро дешевле, чем на Сахалине, и почти вдвое уступала среднероссийской. По темпам роста среднедушевого дохода чемпионом стала Тюменская область. Следом шли Коми, Якутия, Камчатка, Магадан. В республиках Кавказа и Волго-Вятского района доходы росли в 2-3 раза медленнее.

Соотношение темпов роста цен и доходов показывает, что за первые годы реформ жизнь очень вздорожала (а население обнищало) в разных концах страны: у Каспийского, Берингова и Японского морей, на Алтае и в Коми. То есть как в регионах с высокими доходами (Магадан), так и в беднейших (Калмыкия). Но есть области, помимо Тюменской, где население сперва потеряло не более половины реальных доходов. Это не какие-то экзотические окраины, а скромная глубинка, протянувшаяся двумя полосами к северу и к югу от Москвы.

Подобное нивелирование "вниз", меньшее у периферии, чем у привилегированных центров, - типичный феномен первых шагов потребительского кризиса, обнаруженный в Польше еще в 80-х гг. (см. выше). Но в условиях рынка различия быстро восстанавливаются. Номинальные денежные доходы москвичей росли быстрее, чем в соседних регионах, и в итоге оказались максимальными, опередив заработки тюменцев, магаданцев и втрое - средние по России.

Это относится и к реальным доходам, соотнесенным с официальным прожиточным минимумом в соответствии с местными ценами. Кроме Москвы они еще высоки в европейской провинции (в Белгородской области благодаря доходам, в Орловской и Ульяновской - за счет низких цен), а также в главных добывающих районах Сибири. Правда, там, как и в столице, резко усилилось социальное расслоение между нефтяниками, предпринимателями, банковскими служащими с одной стороны, пенсионерами и бюджетниками - с другой. Так что средние цифры дохода становятся здесь все более условными.

Если подсчитать общую массу доходов, превышающих расходы, необходимые по прожиточному минимуму, то окажется, что 30% всей этой условно избыточной массы сосредоточила Москва, доля которой в населении России всего 6%. Соотношение для Петербурга уже гораздо скромнее. Можно понять думского председателя Г.Селезнева, как-то обозвавшего столицу бородавкой на теле страны. Впрочем, он сам москвич и не из беднейших.

Если сравнивать доходы с фиксируемыми статистикой полными расходами, то картина изменится и доля Москвы сразу упадет почти втрое. Но это из-за традиционных приезжих и мелких развозных торговцев, пополняющих запасы из розничной столичной сети. Недаром ее доля в торговом обороте РФ, до реформ постепенно снижавшаяся, вновь круто пошла вверх. И это при том, что товарное насыщение стало куда более равномерным. Просто на смену чисто любительскому отовариванию через Москву пришло профессиональное.

Региональными следствиями либерализации потребительских цен можно считать: 1) социально-пространственное расслоение с возвышением богатых сырьевых и торгующих регионов, 2) быструю инфляционную компенсацию в очагах роста

доходов, 3) особую реакцию властей в консервативных регионах: талоны, примораживание цен, таможенное огораживание.

Последние по сей день встречаются в черноземных областях - Воронежской, Орловской, знаменитой Ульяновской (дешевизна, выдающаяся для РФ; доходы тоже низки, но не экстремально). Но в целом пик пройден в первые годы реформ. Все еще предлагаемый рядом экономистов отказ от свободных цен привел бы к вторичному буму подобных явлений. Введение местных денежных суррогатов, торговых барьеров и т. п. - верная дорога к дезинтеграции экономического пространства.

Изменение форм собственности рассмотрим опять в сфере занятости. Правда, приватизация, как известно, привела разве что к начальному разгосударствлению собственности.

Проще всего взять долю занятых вне государственного сектора (региональный и муниципальный тоже исключаются). Однако в 1990 г. она была максимальной в аграрных районах - до 25-30% на Северном Кавказе и в Центральном Черноземье. Это результат многочисленности колхозников, и прежде не относившихся к госсектору. А если исключить их, то в дореформенном году почти ничего не останется. Для 1994 г. можно проигнорировать предприятия смешанной формы собственности (акционерные с участием государства) и общественные организации - это снизит в масштабах РФ долю анализируемой части занятых с 55% до одной трети. И вновь выделяются те же аграрные районы. В чем дело? Да опять в колхозах-совхозах, переименованных в общества, товарищества, но почему-то не относимых к общественному сектору.

Впрочем, тут надо смотреть не столько на высокие значения, сколько на низкие, свидетельствующие о задержках и препятствиях процессу разгосударствления. В этом отношении выделяется обширная зона Севера, а в ней - Чукотка с доминированием занятых в госсекторе: вне его остается всего 16%, что в 3,5 раза ниже средней цифры. На всем Севере этой средней достиг единственный регион - Тюмень. Северная экономика вообще отличается от остальной российской, в том числе ее государственным характером.

Вне этой особой зоны есть и другие, где госсектор доминировал. Во-первых, республики Кавказа и соседняя Калмыкия. Во-вторых, полоса, пересекающая Волгу в среднем течении, где выделяются Мордовия и Ульяновская область, известные своим консерватизмом (вне госсектора там было занято не более 40% - как в Калмыкии и Якутии.). В-третьих, Московская область, имеющая имидж относительно консервативной, но не такой, как Орловская или Курганская, где доля госсектора куда ниже. Но ведь и в Москве, Петербурге, Нижегородской, Свердловской и других "реформаторских" промышленных областях она всего лишь близка к средне-русской.

Особо отметим те места, где уже в 1993-94 гг. началось возвращение приватизированных предприятий с их работниками в лоно госсобственности. Это Чукотка, Сахалин, Еврейская АО, Курганская и Мурманская области, а также полоса в центре России от Липецка до Саранска. Если на Севере это могло диктоваться реальной потребностью в государственном протекционизме, то в иных случаях - скорее перипетиями местной политической борьбы сторонников и противников разгосударствления.

В агросекторе вплоть до 1996 года результаты реформирования сводились к разрушению сложившейся системы поставок-сбыта да свободным ценам. Это создало новые внешние (коммерческие) условия функционирования хозяйств, которые по сути не изменились, поменяв вывески. Действительно новыми были случаи дробления крупных предприятий на более мелкие и появление фермерства. В нача-

ле 1991 года в России было всего 4 тысячи фермеров, в начале 1996-го - 280 тысяч. Однако уже в 1994 было создано всего 36 тысяч новых хозяйств, а распалось 29 тысяч. Затем темпы их роста упали еще больше. Фермеры используют всего 5% сельскохозяйственных угодий России. Так что надежды на фермеров как главных сельских производителей не оправдались. Аналогов частнокапиталистическим хозяйствам Запада в российских условиях не получилось. Большинство наших фермеров пошли по пути создания небольших хозяйств, немногим отличающихся от полунатурального личного хозяйства населения.

Тем не менее региональные различия довольно велики. По общему числу фермерских хозяйств и по доле пашни, ими обрабатываемой, лидируют равнинные области и края русского Кавказа и южное Поволжье. В 1995 году абсолютными лидерами были Ставропольский и Краснодарский края - около 20 тысяч фермеров в каждом. Однако по их числу на 1000 занятых в сельском хозяйстве впереди также юг Сибири и Северо-Запад РФ. Внутри областей наиболее притягательны для фермеров пригородные и полупериферийные зоны.

Иностранных инвестиций на душу населения Россия пока получала в 4-5 раз меньше, чем Центральная Европа и Прибалтика. Мировые рейтинги аттрактивности помещают страну в середину второй сотни рядом с КНДР и Албанией. Примечательно, что по объему иностранных инвестиций первые места в России занимают Москва и нефтегазовые края. По числу и производительности совместных предприятий Россия отставала от Венгрии, Польши, Чехии и даже от Украины, но их роль все же довольно значительна. Они давали до 10-15% валютного экспорта, а импорт и продажи на российском рынке составляли 1/5 к общему объему розничной торговли.

Разные регионы РФ сегодня ориентируются на разных внешних партнеров. Западные, понятно, тяготеют к Европе, восточные - к Азии. Это естественнее, чем былая интеграция только в рамках СЭВ всех наших территорий вплоть до Камчатки. Тем не менее, хотя бы из-за внутренней асимметрии, на Европу приходится 3/4 внешнеторгового оборота, на Азию - около 1/5. Выбор зарубежных контрагентов самостоятельно осуществляют предприятия и субъекты РФ. Однако ни один не обладает даже отдаленно преимуществами положения единой, территориально целостной России.

Более половины российского экспорта дают три крупных района: Западная Сибирь, Урал и Поволжье. На двух крупнейших экспортеров, Тюменскую и Самарскую области (впереди то одна, то другая), приходится до 30%. Следом за ними, но с большим отрывом идут Вологодская (череповецкий металл), Иркутская, Кемеровская, Челябинская, Хабаровский край. Лидеры обычно выделяются по душевому обороту внешней торговли, а также по экспортности промышленной продукции, но только у Самары и Тюмени она превышает 1/3, а в среднем по России это 1/8.

К сожалению, данные о географических направлениях внешней торговли регионов РФ получить трудно. Доля экспорта за твердую валюту отражает его косвенно: дальнее или ближнее зарубежье. Первое направление явно преобладает на европейском Севере, Северо-Западе и на Дальнем Востоке. А Черноземный Центр с его металлургией и отчасти нефтедобывающая Сибирь сохраняли определенную ориентацию на СНГ.

Центральный район и Москва не выделяются как экспортеры товаров. Их доля в импорте выше, хотя данные включают только его организованную часть (без "челноков" и т. п.). Зато Москва резко выделяется посредничеством во внешних связях, и в итоге в ее банках оседает четверть валютных поступлений от российского экспорта.

География совместных предприятий примечательна в двух отношениях. Во-первых, исходной концентрацией в столице и ее быстрым снижением. К 1990 г., через три года с начала их регистрации, половина СП всего Союза находилась в Московском регионе. В 1993 г. там осталось 37% действующих СП одной России. Их немало в Петербурге, на Дальнем Востоке, Европейском Севере и в Западной Сибири (в Тюмени это крупные промышленные предприятия). В общем фирмы-партнеры учли снижение роли центрально-ведомственного фактора и двинулись из Москвы в окраинные или главные добывающие регионы РФ, оставив столице роль центра торговли и сервиса. Возможности многих ведущих промышленных ареалов недоиспользовались. В Поволжье по всем параметрам СП лидировал Татарстан, а не Самарская область, на Урале - скорее Пермская и Челябинская, чем Свердловская.

Во-вторых, анализ СП дает возможность сопоставить географию иностранного участия с внутрироссийской. Основная часть нашей территории попадала в зону преобладания западноевропейских фирм-учредителей СП, среди которых обычно лидировали немецкие. Мурманск, Карелия, частично Ленинградская область относились к Скандинавской подзоне. Некоторые небольшие европейские страны - Финляндия, Австрия и даже Люксембург и Лихтенштейн - сперва действовали в России очень активно, но позже сбавили обороты. Так, кризис финского бизнеса, синхронный с российским, заставил его потесниться даже на ближайших рынках. С востока вплоть до Алтая вклинивалась зона доминирования азиатских партнеров: Японии, Китая, Южной Кореи. Наконец, нефтегазоносный Север и Северо-Восток был ангажирован прежде всего США и Канадой.

После распада СССР быстрыми темпами стало расти число СП, создаваемых с участием фирм из бывших союзных республик. К примеру, в Псковской области из 84 СП зарегистрированных к лету 1993 г., 74 имели партнерами страны Балтии, в первую очередь, соседние Эстонию и Латвию.

Втягивание России в мирохозяйственные связи приводит к расслоению ее экономического пространства на "открытые" и "глухие" зоны. Примером последней служит республика Тыва, где в 1993 г. не было ни одного СП и в сущности не было экспорта, только небольшой импорт. Среди активных регионов выделяются экспортеры товаров (Тюмень, Самара) и посредники (Москва и отчасти Петербург). Кроме того, обозначилась разная географическая ориентация внешних связей регионов. Заметное недоиспользование восточного направления можно объяснить как внутрироссийской асимметрией развития, так и традициями, геополитическим кодом, определяющими тяготение к европейским соседям, среди которых - Украина и Белоруссия.

6. Политический ландшафт и федерализм

Один из ярчайших постсоветских феноменов - свободные выборы и связанное с ними возрождение из небытия с 1989 года, впервые после 1906-17 гг., *электоральной географии, политического ландшафта* страны (17). Но ландшафт - это закономерные устойчивые пространственные структуры. Можно ли говорить о них при столь краткой новейшей истории? Безусловно да, поскольку многие ключевые черты оказались на редкость стабильными, повторяющимися от выборов к выборам. Ведущие различия выявлены давно и упоминаются постоянно: Север-Юг и Центр-Периферия.

О первых представителях из обеих пар принято говорить как о "реформаторских, демократических, продвинутых, прогрессивных". Вторые называют "оппозиционными, консервативными, красными или красно-коричневыми".

Их и впрямь разделяет отношение к московской власти и рыночным реформам (поддержка либо протест), к прошлому-будущему (тяга вперед либо ностальгия по старым временам), к возрождению СССР, связям с Западом и т. д.

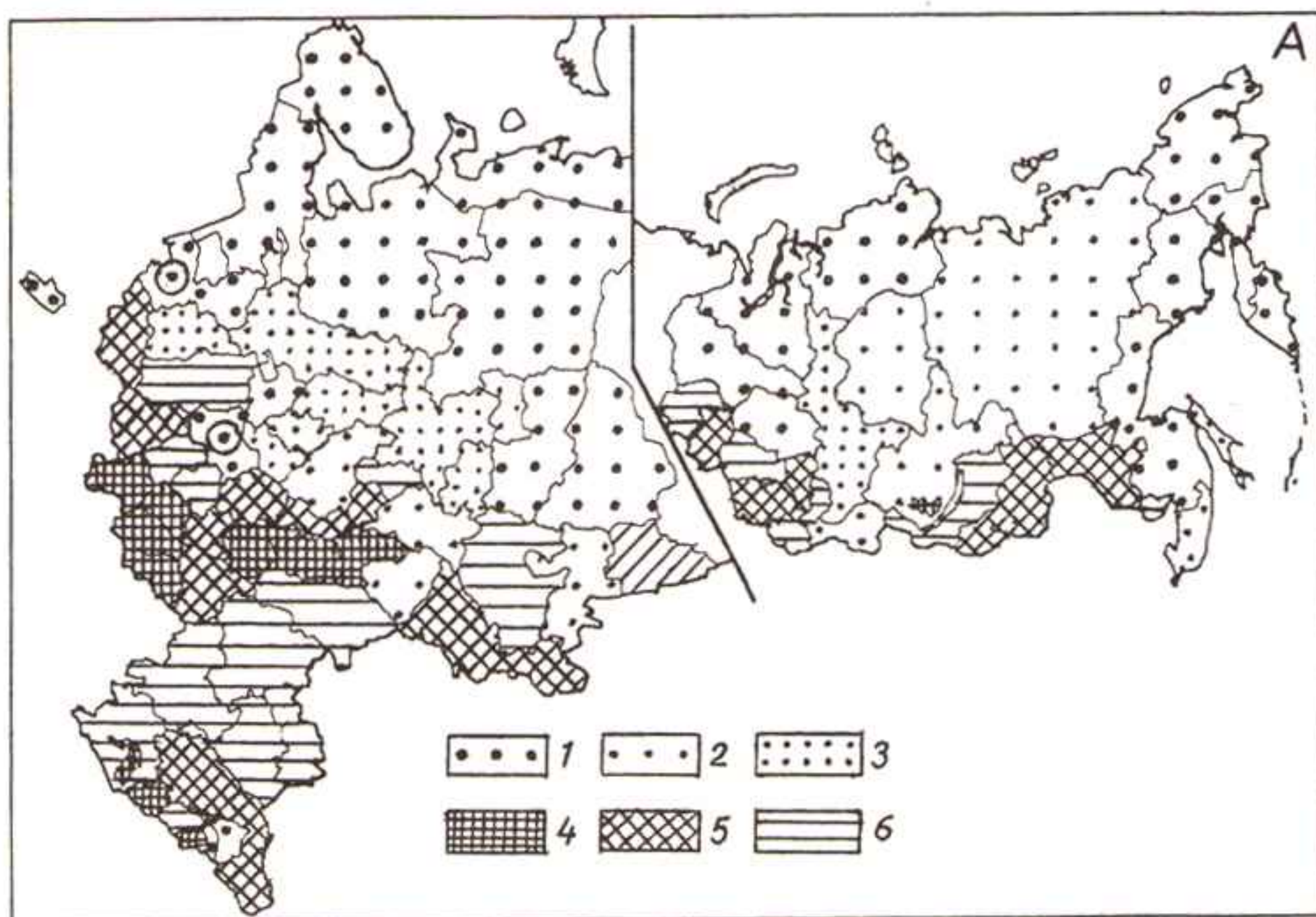
Ясно, что все это отражает поляризацию общества. Неизбежную, коли отношение доходов самого богатого дециля населения к беднейшему уже в 1993 г. возросло до 50:1 против 5:1 в позднем Союзе. Однако конкретное содержание собственно политической поляризации и меню избирателя от раза к разу менялось, а пространственный рисунок его волеизъявления - почти нет. Один политгеограф уподобил наш электоральный ландшафт вафельнице: печет из разного теста, то румяней, то в целом белее, а узор на вафлях один, и все тот же край подгорает.

На макроуровне виднее дихотомия Север-Юг. Она проявилась уже на выборах депутатов ВС СССР в 1989 году: к северу от Москвы их проиграл каждый второй из местных партсекретарей, к югу - считанные единицы (18).

Рисунок 3.

Политический ландшафт

А. Результаты голосований в 1991-96 гг.

База демократов-реформаторов: 1 - решительная поддержка; 2 - поддержка с небольшим перевесом; 3 - колеблющиеся прореформаторские регионы.

База державно-коммунистической оппозиции ("Красный пояс"): 4 - решительная поддержка, перевесом, 5 - поддержка с небольшим перевесом, 6 - колеблющиеся антиреформаторские регионы.

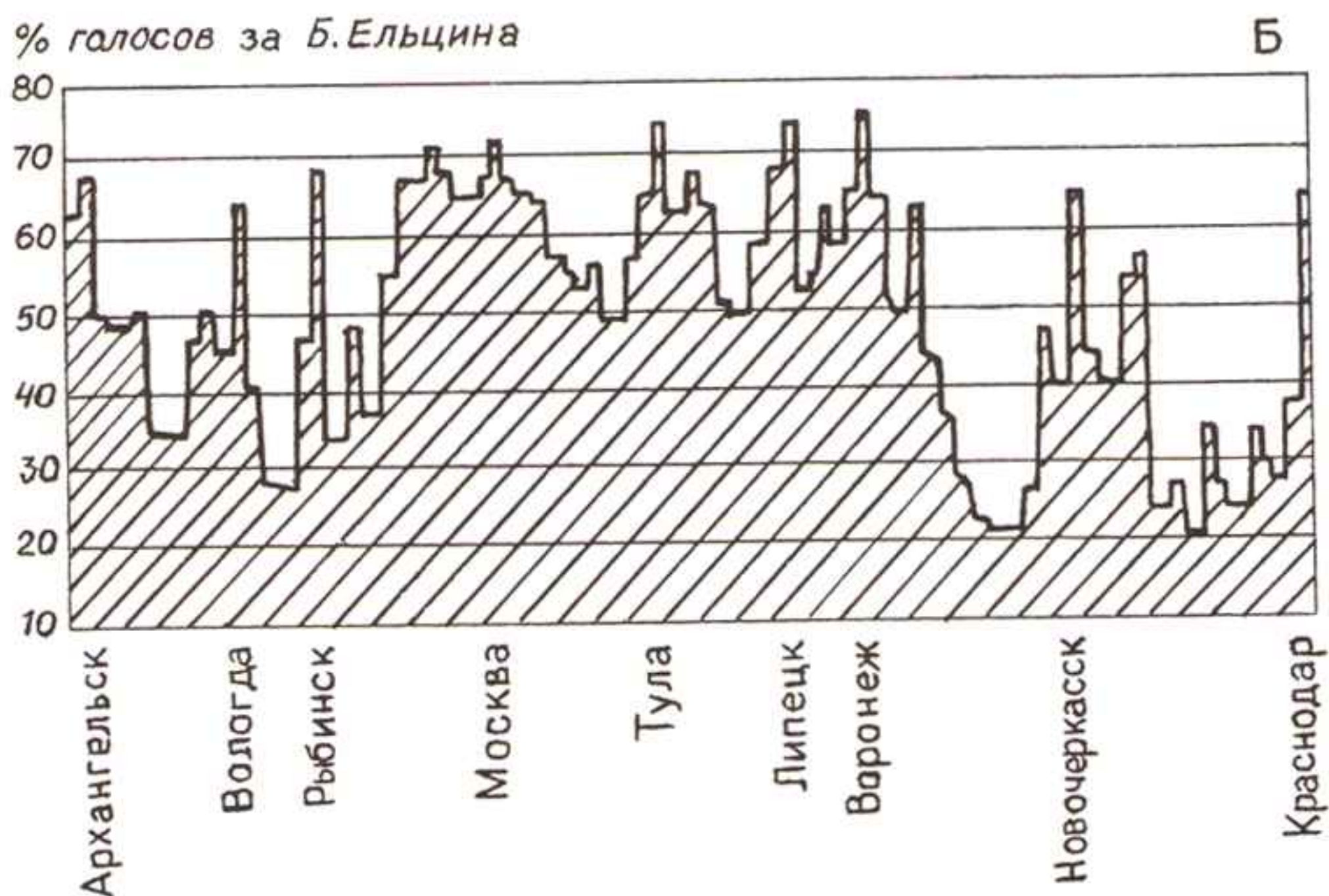
Оппозиционный южный пояс, протянувшийся через всю страну прерывистой полосой,истики и политики называли *Красным*. Ее главное устойчивое ядро приурочено к европейскому черноземному клину. Порой, скажем, после успеха ЛДПР в 1993 г. в нем находили весьма коричневый оттенок. Но с перехватом КПРФ дер-

жавных лозунгов и появлением народно-патриотического блока пояс как бы вновь стал алым. Конечно, политический спектр России на самом деле побогаче, и все дело в том самом меню. Если выбор широк, зона красного негативизма сужается, а если он сводится к *да и нет*, как на референдумах и на втором туре персональных выборов, то она вновь расширяется (рис. 3А).

То же самое относится к северной зоне, традиционной базе демократов-реформаторов. Она объединяет обширные, но малолюдные добывающие регионы с крупнейшими индустриальными и столичными концентрациями. Местами - по Волге, Уралу, Енисею, Тихоокеанскому берегу - зона заходит языками на юг, но монолитнее она к северу от 55-60-й широты. В ее пределах начинает сказываться и вторая дихотомия: Центр-Периферия. На уровне субъектов РФ она выглядит как различие между столичными и провинциальными регионами, притом прежде всего ближайшими.

Однако, в отличие от широтного принципа, контрасты Центр-Периферия повторяются на всех уровнях, вплоть до сугубо локальных, вытягиваясь в цепочку типа: столица - региональный центр - местный центр - село. Соответствующие пропорции населения и электората, связанные с урбанизацией, формируют и крупно-региональные, межзональные контрасты. Тот же Север России отличается от Юга высоким процентом горожан.

Б. Профиль Север-Юг голосования за Б.Ельцина на президентских выборах 1991 г. (по Н.Петрову)

Первичность сельско-городских различий в поведении электората здесь - в голосовании за Ельцина еще в 1991 году - наглядно демонстрирует профиль Архангельск-Москва-Краснодар (рис.3Б), взятый из упомянутой выше книги (17). Как видим, до 70% и больше голосов Президент получил во всех региональных цен-

трах, как северных, так и южных. И одинаково мало (20-30%) - в сельской глубинке, опять же любой. Другое дело, что самой глубинки на севере и особенно в Подмосковье меньше. Абсолютно то же самое показали выборы-96, когда центры и иные города таких устойчиво "красных" регионов, как Ставрополье, Тамбовщина, предпочли Ельцина, но не перевесили голоса периферийных избирателей Зюганова.

Анализ всех наших голосований показал, что пространственная вариация их результатов коррелирует с такими показателями, как доля городского населения, пенсионеров, уровень образования, структура занятий. Теснее всего связь с уровнем урбанизации, имеющим синтетический характер и к тому же весьма устойчивым во времени. Не потому ли так стабилен сам политический ландшафт? Однако возникает другой резонный вопрос: не пора ли сказать и состоянию регионов, скажем одинаково урбанизированных, которое успело измениться за годы буйства рыночных стихий? Иначе говоря, районы и центры могут голосовать несхоже не только из-за того, что в них живут разные люди, но и потому, что живет им теперь по-разному.

Эти гипотезы мы пытались проверить на примере выборов в Госдуму в 1995 году по районам Ленинградской области (19). Выводы таковы. Примерно в 45% случаев результаты голосования соответствуют степени урбанизации и схеме: сельский консерватизм против городского радикал-реформизма. Сводные оценки социально-экономического неблагополучия (бедность против богатства) сходятся с итогами выборов в двух из каждых пяти районов, то есть в 40%. А три района из 17-ти (все окраинные) выбились из обеих схем. Тут сказывается географическое, геополитическое положение. Один, самый дальний и слабый район, голосовал за коммунистов, но этот протест - по невзыскательности или по зональной традиции - не был таким активным, как вытекало из его состояния. Другой, соседний с Финляндией, тоже повел себя лояльнее, чем следовало. А третий, смежный с Эстонией, оказался более оппозиционным.

Это соотношение может оказаться близким к общероссийскому. Например, Нижегородский и Новосибирский регионы при одинаковой урбанизации голосуют в последние годы по-разному, что коррелирует с их разным самочувствием. А тот же Новосибирский и Краснодарский - похожим образом, хотя последний куда более рурален (46% сельчан). На северо-западной, как и на юго-западной окраинах оппозиционного пояса популярность скорее державников, чем коммунистов, можно связать с острым геополитическим положением, а "демократичность" Дальнего Востока при его острых социо-экономических проблемах - с выгодным внешним соседством. Впрочем и урбанизированность разная.

Российский федерализм - проблема многогранная и тесно связанная со жгучим вопросом о единстве страны. Еще при распаде СССР заговорили об угрозе его повторения в России под напором регионально-этнического сепаратизма. Эту карту пытались разыграть лидеры Союза в борьбе с ельцинистами и сам будущий президент, однажды предложивший республикам РФ столько суверенитета, сколько потянут. Опасность виделась в подобии политического устройства СССР и РСФСР, федераций лишь номинальных, причем в России она была и остается *асимметричной* - с разным статусом и правами национальных и чисто территориальных субъектов.

В 1991-92 среди прогнозов насчет политической конструкции постсоветского пространства мелькал и такой: место СЭВа займет СНГ (новый экономический и военный блок, клиринг в расчетах), а РФ с ее республиками унаследует прежний режим Союза. Отчасти так и случилось. Возражения исходили и исходят из того,

что 1/2 этнических русских в СССР и 4/5 в России - различие принципиальное. По моноэтничности РФ сильно уступала в СССР только Армении и уже поэтому могла бы стать национальным и унитарным государством.

Однако напомним, что республики РФ (их 21) занимают 29%, а вместе с 11-ю округами - 53% площади страны. Там живет менее 18% населения, и оно в среднем на 60% не титульное, зато есть важнейшие природные ресурсы, включая основные запасы нефти и газа. Пояс краев-областей, взятых без "автономий", тянется от Балтики до Японского моря. Но местами он так сужается, а перешейки (шириной в десятки, первые сотни километров) так далеки от главных магистралей, что этот пояс вряд ли мог бы составить ту *республику Русь*, о которой одно время поговаривали.

Наметились два подхода к решению проблемы. Державники под лозунгом *Россия для русских* предложили унитаризм и сугубо административное (губернское) деление. Их оппоненты призывали к *реальной федерации как территориальной форме демократии* с равноправием всех членов. В марте 1992 г. Федеративный договор (без участия Татарстана и Чечни), провозглашая этот принцип, сохранил неравенство, невнятно разграничил полномочия центра и регионов, сделал двусмысленным статус округов - полноценных субъектов РФ - в составе других субъектов. Впрочем он заставил области задуматься о своих правах и начать мирную борьбу за равенство с республиками. И двусторонние договоры, восполняющие пробелы Федеративного, быстро перестали быть монополией республик.

В общем не раз обруганная договорная практика все же сыграла свою роль в закреплении лозунгов федерализма, равенства прав субъектов РФ, преодоления ее "асимметричности". Как бы то ни было, мы уже лишь по привычке называем деление страны административно-территориальным. Это атрибут унитаризма и внутреннего устройства субъектов РФ, Впрочем регулируемого их уставами и конституциями. А на верхнем, главном этаже оно стало политическим. Отчасти из-за этого октябрь 1993 года не имел столь разрушительных последствий для РФ, как август 1991-го для СССР. Укрепление федерации и центральной исполнительной власти привело, среди прочего, к затишью в конфликтах с регионами.

На рубеже 1994-95 гг. оно было прервано чеченским кризисом. Судьба двух неподписантов Федеративного договора сложилась по-разному. С Шаймиевым заключили особое соглашение, с Дудаевым разговаривать не стали. Однако война в Чечне - теперь это уже ясно - не смогла переломить общую тенденцию даже на Северном Кавказе.

Краткий экскурс в новейшую историю вопроса убеждает в том, что он относится к числу фундаментальных для современной России. Правда, к нему бывали равнодушны на флангах нашего политического спектра. Одни потому, что отрицали легитимность РФ и мечтали о реставрации СССР. Других раздражало именно сходство с советской империей. Мнения об угрозе единству РФ тоже расходились, вплоть до сакраментального: ее нет, ибо не может быть никогда. Однако года три назад 65% экспертов ВЦИОМ сочли дестабилизирующими общество отношения центральных и местных властей (2-е место из семи факторов на выбор; 1-е отвели тогда вражде двух ветвей центральной власти) и 53% (4-е место) - отношения между регионами (20).

Сепаратизму посвящены горы книг. Этот латинский термин у нас переводят и как отделение (но по-латыни есть еще и *сецессия*), и как обособление. Это звучит уже менее жестко. В мире немало регионов, давно обвиняемых в сепаратизме, но не ставших независимыми: Шотландия, Баскония, Курдистан, Кашмир. Сепаратистское движение там то затихает, то вспыхивает с новой силой.

О рисках регионального сепаратизма и дезинтеграции России чаще судят сугубо качественно, вербально. Однажды мы попытались измерить их при помощи дюжины факторов и выявить основные узлы, их структуру (21). Таких очагов оказалось три, причем ядром всюду служат республики, а к ним примыкает некий шлейф этнически русских регионов:

- 1) Кавказский с ядром в Чечне и шлейфом в ближайших казачьих краях; доминируют этнические и геополитические факторы;
- 2) Волго-Уральский с рядом соседних русских регионов и Тюменью; лидирует там Татарстан, а среди факторов резко выделяются экономические;
- 3) Южная Сибирь с ядром в Тыве (состав факторов аналогичен Кавказу) и продолжением на соседние регионы и обширную Якутию.

Имеются и другие зоны риска, где его оценки пониже. Так, в Калининграде и на юге Дальнего Востока обострены в основном геополитические факторы. Кроме, так сказать, первичного риска сецессии и утраты Россией тех или иных регионов, были измерены и вторичные, или риски последствий такого события для России и для самого региона - риски его "автономного плавания". Оказалось, что экономический сценарий дезинтеграции по охвату и последствиям для страны (при этом она не только теряет богатые и мощные регионы, но и сильно дробится) опаснее остальных, в том числе этнического. Впрочем, последствия выхода из состава РФ для потенциальных сепаратистов обычно тяжелее, чем последствия от их потери для всей страны.

Значение экономических факторов подчеркивает то внимание, которое ныне уделяется проблемам *бюджетного федерализма* (и сепаратизма). Она состоит даже не в том, что регионы России, как любой страны, делятся на доноров и реципиентов. Скорее уж в поразительных контрастах. Местами на Кавказе и в маломощных сибирских округах расходы местных бюджетов в 5-10 раз больше собственных доходов, а Ярославль и Самара тратят на себя лишь 1/5 собранных налогов. В Дагестане их душевой объем на порядок ниже среднего, а в Москве и Тюмени гораздо выше. Десятка финансово мощных регионов, где живет менее четверти населения РФ, дает до половины доходов ее бюджета, в том числе одна Москва - 19%.

Еще острее вопрос о единых правилах игры и привилегиях таких республик, как Татария, Башкирия, Якутия. В 1991-93 гг. бюджетная система РФ строилась на несовместимых принципах конфедерализма и унитаризма, что привело к череде острых конфликтов с лидерами финансовой суверенизации, оставлявших себе почти все налоги в обмен на самостоятельное финансирование части федеральных расходов.

Этап стихийной децентрализации, когда споры Центра с регионами напоминали торг слабеющего патрона с наглеющим клиентом, завершился к 1994 г. Возник такой инструмент, как Фонд финансовой поддержки субъектов Федерации. Он формируется и распределяется среди тех, кто признан нуждающимся в помощи, по общеизвестной формуле. Однако это не устранило фактического неравенства, а порой и усугубило его. Прямые трансферты уступают по масштабам косвенным дотациям (среди питаемых ими регионов выделялся Кузбасс, а вот Свердловск не мог пробить больших льгот, что вылилось в конфликт вокруг идеи Уральской республики). Помощь фонда распылена, ибо нуждающихся регионов большинство. Среди получающих ее попадались весьма богатые регионы. Наконец, фактически сохранились привилегии национальных окраин. Например, особый бюджетный режим вводили по указам в слабых северных округах, но не столь же кризисные области, к которым они относятся (кроме Чукотки, успевшей при "параде суверенитетов" официально покинуть Магаданскую область).

Правда, система совершенствуется и есть надежда, что роль лоббирования, закулисных маневров в межбюджетных отношениях будет снижаться. Вместе с тем, они не менее остры на внутрирегиональном уровне. Местные столицы и прибыльные индустриальные центры могли бы очень неплохо жить, если бы не делились с областными бюджетами. Зачастую это даже не дележка, а просто изъятие налогов у богатых в пользу сельских и других бедняков. А бюджетные механизмы местного самоуправления еще дальше от идеала, чем федеральные.

7. Дилеммы регионального развития: Запад–Восток, Север–Юг и Центр–Периферия

Сценарии посткризисного развития страны зависят от направления инвестиций, от типа структурной перестройки российской экономики, от ее места в мире. Основные варианты таковы:

- сдвиг на север и восток при сохранении топливно-сырьевой специализации и притоке инвестиций, особенно иностранных;
- сдвиг в столичные и приграничные (приморские) районы при росте внешней торговли, транспорта, СП и банков, всяческого сервиса;
- ренессанс научно-технической и промышленной полупериферии при ставке на высокие технологии и потенциал ВПК.
- сдвиг на юг, юго-запад при выборе стратегии стимулирования собственного (импортзамещающего) аграрного производства;

Пока что налицо дрейф в первых двух направлениях. Доля ТЭКа в продукции растет, в Правительстве сильны его ставленники. А в Москве, Петербурге, Калининграде, Владивостоке царствуют торговля и смежный бизнес. Однако положение главных центров не очень стабильно: достаточно напомнить о быстрой диффузии совместных предприятий. Наши аграрное и мануфактурное лобби тоже стараются, но экономических результатов пока не видно.

Гадать о будущем сложно, в том числе ввиду отсутствия у правительства последовательной структурной политики. Ее нельзя путать с многочисленными программными декларациями, куда под давлением разных лобби втискивается огромное число приоритетов. Всем - значит никому. Между тем, экономический подъем поначалу может быть лишь выборочным как в отраслевом, так и в региональном аспекте. По обоим направлениям идет борьба привычных старых и новых (иногда разумных и реальных, иногда утопических) подходов.

В историческом процессе формирования пространства России всегда имела место проблема выбора альтернатив. Предельно упрощая, ее можно свести к трем дилеммам, обозначенным в заголовке раздела. Ясно, что наши дилеммы не уникальны, а типичны и даже носят глобальный характер. Но в них отражена и вечная российская специфика. Отчасти они даже сводятся у нас одна к другой.

Запад-Восток.

Об этой дилемме в глобальном контексте написано столько, что повторяться нет смысла. В самой России она тоже стоит давно и географически как будто весьма конкретно. Однако даже западные окраины РФ - все же не Запад, а восточные - не Восток. Культурно-этнические основания для традиционного евроцентризма у нас размыты. Наша Азия (Сибирь) - не столько инокультурная, сколько позже, слабее освоенная Россия.

Основной географический феномен, с которым связана у нас дилемма Запад-Восток, это соответствующий градиент освоения пространства и его историческая асимметрия (см. второй раздел данной статьи). И на всем пути от Германии с ее старыми и новыми землями до Волжской пары Татария - Башкирия, встречаются

местные варианты отношений *Запад-Восток* с полным набором признаков, включая претензии "западников" на лучший уровень жизни, политическую раскованность и т. п. Нарушение в эту регулярность как будто вносит Москва, но и тут, и в Подмосковье западные секторы комфортнее, престижнее и дороже восточных.

Это с одной стороны. А с другой, уходящее столетие со времен П.А.Столыпина пыталось решать дилемму путем сдвига на восток всего, что только можно сдвинуть. Мы долго верили Ломоносову: богатство России будет прирастать Сибирью. И лишь недавно стали задумываться, какого типа это богатство, во что обходится прирост, и что он сулит. Да, колониционные стереотипы мышления, падкого на всякое расширение, вместе с глобальными притязаниями создали милитаризованную, тяжелую и "грязную" индустриальную цивилизацию. Промышленные отходы России считают самыми ценными и одновременно самыми опасными в мире. В расчете на единицу готовой продукции их производили в 20 раз больше, чем в Европе и Японии. Наконец, мы заметили, что откачка людей и средств на восток чревата депрессивными провалами на западе, в историческом ядре страны.

Впрочем, сдвиг населения, сложных отраслей приостановился, оставив их центры в европейской России. Что же касается добычи ресурсов, незаменимой для нас сегодня в период выхода из пике, то она может быть сопряжена с дальнейшим восточным дрейфом инвестиций, но никак не населения.

В общем дилемма *Запад-Восток* как выбор между старыми и новыми районами (и отраслями) возникла не вчера. Но ныне она как никогда актуальна. Драматизм ситуации в том, что топливом для глубокой структурной перестройки должны служить тюменская нефть и газ. А новая сервисная, информационная экономика зарождается в Москве, уже опередившей Тюмень по объему инвестиций (в 80-х гг. было наоборот). Отсюда обиды и споры, осложняющие и без того тяжелый переходный период. Ведь Сибирь отнюдь не мечтает о роли громадного сырьевого придатка западных технополисов.

Север-Юг.

Эта известная дилемма у нас, на первый взгляд, не столь существенна. По мировым меркам, вся Россия - северная страна. Причем Север - ее коренная и стабильная часть. Его исторический стаж в составе российского государства - не менее 400 лет, это куда больше, чем у южных окраин, с которыми сопряжено так много рисков.

Одновременно это кладовая стратегических природных ресурсов. Однако вспомним, сколь осторожен подход к ним в других северных странах, как сильно прижаты к югу их национальные ойкумены. На всем Американском Севере живет примерно 1 млн. человек, менее 0.5% общего населения США и Канады. В России - на порядок больше. Между тем, дискуссия о пере- или недонаселенности Севера вяло тянулась с четверть века, пока не началось бегство отсюда даже тех специалистов (метеорологов и др.), без которых никак не обойтись. Корень проблемы все тот же: низкая производительность труда и привычка брать не умением, а числом. Ставка на стабильное заселение Севера при транспортной изоляции привлекла массу людей во вспомогательные и сервисные секторы.

Вообще-то дилемма Север-Юг в России во многом идентична первой. В сущности у нас чем восточнее, тем как бы и севернее. Это отражает и природное, и нормативное зонирование. В Приморье полоса местностей, официально приравненных к районам Крайнего Севера, опускается до широт Прованса. Однако отождествить Север РФ с Востоком никак нельзя. Скорее уж наоборот. Известно, как сильно отличались в 12-15 вв. от остальной Руси положение и политическая система ее северного Новгородского очага. А он был первым шефом освоения дальнего европейского и косвенно - азиатского Севера, не знавших крепостного права. В Центре

России с 17 века национальный рынок и разделение труда развели в разные стороны лесной торгово-промышленный север (Нечерноземье) и степной аграрный юг.

Разница видна поныне на политических картах, где южный пояс предстает как "красный". Общая политическая напряженность заметно нарастает у *Предкавказской горловины*, где наша территория сужается, зажата между Украиной и Казахстаном. Полюсом напряженности, конечно, служит крайний юг - Кавказ.

Выбор между Севером и Югом в современной России тесно связан с судьбой ее сельского хозяйства, с противостоянием аграрного лобби промышленно-городскому и с торговой политикой. Инфляция, диспаритет цен, кризис колхозно-совхозной системы больше всего ударили по южным зонам товарного земледелия. Альтернатива им одна - импорт продовольствия. Прежний опыт подъема Нечерноземья был крайне неудачным, а на юге меньшие затраты давали большую отдачу. Это связано не столько с естественным плодородием, сколько с трудообеспеченностью и социальным фактором вообще.

Тут интересен опыт реформ в Китае. При всей его чудовищной населенности, контраст между северо-востоком и юго-востоком по плотности сельских жителей так же велик (6-8 раз), как между северо-западом и юго-западом России. Северных крестьян в Китае считают индивидуалистами. Они первыми вышли из коммун и зажили особняком, но бедно. А на юге крупные коллективные хозяйства преуспели на переработке фруктов, сельской индустрии, в общем на АПК. Подобное может произойти с Севером и Югом европейской России. На Севере фермерство казалось выходом из колхозной ямы, но ему худо при бездорожье, отсутствии агросервиса и техники. На Юге село здоровее, да еще пополняется мигрантами. Но крепче и колхозный строй. Как преобразовать его в систему процветающей агропромышленной кооперации, пока неизвестно.

Очевидно, что между отраслевыми и региональными интересами в данном случае тоже есть соответствие и что интересы Севера и Юга России сильно расходятся. Пока Север принимает свои решения, выбирая скорее фритредерство и дешевый импорт. Но Юг способен к эффективному сопротивлению, имея более дружный и послушный электорат. Так что итог типа: *Север начинает (перестройку, реформы) и проигрывает* еще отнюдь не исключен.

Центр-Периферия.

Многое из сказанного выше о Западе и в меньшей степени о Севере справедливо для Центра РФ, если понимать под ним обширное "мегадро", например, объединяющее Центральную и Северо-Западную Россию с тремя крупнейшими городами - Москвой, С.-Петербургом и Н.Новгородом. При этом Московская агломерация, а шире Центральный мегалополис (урбанизированная зона), активно формировавшийся в 70-80-х гг. на базе 6-9 смежных агломераций с общим населением в 20 млн.чел., представляет собой феномен, уникальный для России и сопоставимый с Лондонским и Парижским по своим физическим масштабам.

Дело не в точном выделении центра, или ядра. Ясно, что они существуют и (по историческим и вполне актуальным причинам) смещены к западным границам страны, в целом чаще всего относимой к мировой полупериферии. Соответственно обширный Восток РФ - царство периферии. Для иллюстрации возьмем готовую типологию мезорегионов, выделенных на более или менее общем основании для всей Европы (22), а позже для всей России. Их пропорции и внутренняя насыщенность сильно меняются с запада на восток (табл. 6). Площади периферии нарастают, редуют массивы полупериферии, типичные для Центральной Европы. Исключение из этого правила - сгусток вокруг Москвы. А концентрация населения в центрах выше у России. И плотность их населения отличается от западной менее заметно, чем на периферии.

Национальные центры тянутся за мировыми лидерами, особенно в странах с догоняющим развитием, создавая некий минимум демо-экономической насыщенности. Однако конвергенцию центров может сопровождать дивергенция периферии, часто слаборазвитой у аутсайдера. Это характерно для России с ее всеобщей мобилизацией, в том числе пространственной. Проще говоря, шло стягивание ресурсов в центры, невзирая на депопуляцию и депрессию огромных массивов внутренней периферии. Одновременно велись разговоры на тему о гипертрофии центров и ограничении их роста.

Таблица 6.

Обобщенные показатели для центральных (Ц), полупериферийных (ПП) и периферийных (П) районов в Европе и в России

Показатели	Площадь, % к итогу по районам			Населения, % к итогу по районам			Плотность населения, чел/кв.км		
	Ц	ПП	П	Ц	ПП	П	Ц	ПП	П
Страны и части РФ									
Страны-основатели ЕС	11	38	51	28	45	27	432	200	87
Восточная Европа*	8	33	59	20	43	37	220	111	56
Европейская Россия	6	21	73	34	37	29	145	46	10
Азиатская Россия	2	7	91	31	36	33	31	12	0,7

* Включая Запад СССР.

Составлено по картам и расчетам авторов

Контраст между столичными центрами и их окружением порой просто фантастический. Например, в Москве домашние телефоны имеют 99% семей, в Петербурге - 83%, а в расположенной между ними Тверской области - только 21%. И так по многим видам элементарной и тем более элитарной инфраструктуры, вроде персональных компьютеров. На первый взгляд, непонятно, почему провинциалы выступают против проектов типа скоростной железной дороги Москва-Петербург, вроде бы выгодных и для них. Видимо, многолетний опыт подсказывает, что в выигрыше вновь окажутся столицы, а местным жителям останется провожать глазами поезда, следить за путями да разгребать кучи строительного мусора.

В общем дилемма Центр-Периферия стоит сегодня, пожалуй, еще острее, чем лет десять назад, когда многих потребительских соблазнов еще не было. Точнее говоря, эта дилемма вовсе не стоит в тех случаях, когда определенное качество среды совершенно обязательно. Тогда столичным регионам просто нет альтернативы. Но для российского провинциала это не аргумент. Получить взамен советского гиперцентрализма и его географической проекции в виде столичности еще худший рыночный он вовсе не желал.

Если из трех дилемм пространственного развития страны выбрать одну, социально наиболее значимую, то стоило бы выбрать эту последнюю. К ней полностью не сводятся две остальные, но она самая вездесущая (доходящая до уровня сельсовета, городского микрорайона) и затрагивающая максимальное число россиян.

Другое дело, что три дилеммы в известной мере можно свести к четвертой: *расширение либо сжатие* интенсивно используемого пространства. Так ее сформулировал Ю.Л. Пивоваров (23). Выбор стратегии сжатия весьма необычен для России, хотя он сделан, скажем, в крошечной Голландии. Что ж, можно спорить. Но в любом случае полезно учесть, что в пространстве, как и во времени, истории, опасно

перескакивать. Поэтому вслед за оживлением в центрах лучше перейти не прямо к подъему периферии, а к возрождению промышленно-технической полупериферии.

Каковы варианты для особых торгово-индустриальных и научно-технических зон? Первые даже в условиях приморских равнин Китая локализованы у портов, каждый со своим экспортным профилем. У нас проекты таких зон предлагались для множества районов, в т.ч. сугубо глубинных. Фактически действуют приморские и приграничные. Иное дело технополисы, использующие научный потенциал страны. Они тяготеют к университетским и академическим центрам, а в наших условиях - к большим городам и агломерациям. Да и мировые образцы технополисов в чистом поле (силиконовые долины) по абсолютным масштабам уступают крупным центрам, где на фоне старых отраслей новейшие просто менее заметны (24).

Так что осторожность не повредит. Ведь тяга к колоссальным и утопическим проектам у нас не изжита, хотя вкусы меняются. Сейчас популярны идеи создания транспортных линий, морских портов. В их числе - старый/новый проект соединения Америки с Евразией мостом через Берингов пролив и новыми сухопутными супермагистралями. Атмосфера кризиса даже способствует подобным амбициозным идеям: нужен психологический баланс разочарованию и утратам.

Нынешний кризис - одновременно системный, циклический и структурный. Переплелись явления принципиально скоротечные и долговременные, слишком мрачные и иллюзорно-оптимистические настроения. Это касается и региональных проблем. Дихотомия "передовых" и "отстающих" районов близка к традиционной. Труднее принять наличие на общем кризисном фоне островков относительного благополучия. И совсем непривычна простая истина: во вполне здоровой рыночной экономике могут быть хронически больные отрасли и районы - забота региональной политики. Но обилие в России привилегированных, субсидируемых, огороженных регионов должно служить предупреждением против увлечения мерами выравнивания, перераспределения доходов и т. п. Иначе застрянут на старте локомотивы, способные вывезти нас из кризиса.

Примечания

1. Mackinder, H.J. *Democratic Ideals and Reality*. - N.Y.: Henry Holt, 1919.
2. Ключевский В.О., . *Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. I.* - Москва: Мысль, 1993
3. Геттнер А. *Европейская Россия. Антропогеографический этюд*. Пер. с нем. - СПб., 1907.
4. Лившиц А.Я., Новиков А.В., Смирнягин Л.В. . *Региональная стратегия России. Материалы к обсуждению. Рабочая группа по региональным проблемам при Президентском Совете*. М., сентябрь-октябрь 1993.
5. Хачатуров Т.С. *Экономические проблемы экологии*. - В кн.: *Общество и природная среда*. - М.: Знание, 1980, с. 170-189.
6. *World Resources 1992-93. A Report by The World Resource Institute* /Hammond, A.L. (ed.). N.Y. - Oxford: Oxford University Press, 1992.
7. Дмитриев А.В., Лола А.М., Межевич М.Н. *Где живет советский человек*. - М.: Мысль, 1988.
8. Менделеев Д.И. *К познанию России*. 6-е издание. - СПб: Изд-во А.С.Суворина, 1907.

9. Смирнягин Л.В., Шахрай С.М. Региональная стратегия России (основы концепции). Текст докл. на конф. "Региональное развитие в России и опыт стран Западной и Восточной Европы". - М., 1-2 дек. 1994.
10. Территориальная структура хозяйства староосвоенных районов /Приваловская Г.А. и Тархов С.А. (ред.). - М.: Наука, 1995.
11. Болотин Б.М., 1993 Кризис российской экономики и некоторые международные сравнения.- Бюллетень международной ассоциации по транзитологии.М., № 3, с.3-4.
12. Нестеренко А. Финансовая стабилизация, экономическое развитие и промышленная политика. - Бюллетень международной ассоциации по транзитологии. М., 1993, № 1, с. 4-5.
13. Kuklinski, A. Geografia polskiego krgysysu. - Zycie gospodarcze, 1981, N 44, 4-14.
14. Региональные исследования и территориальное планирование в Польше. Серия: Итоги науки и техники. География зарубежных стран. Т. 16. - М.: ВИНТИ, 1990.
15. Нефедова Т., Трейвиш А. Районы России и других европейских стран с переходной экономикой в начале 90-х (Россия 90-х: проблемы регионального развития, вып.1). М: Институт географии РАН, Центр изуч. российских земель журн. "Ваш Выбор, 1994.
16. Рязанов В. Реформы и циклы модернизации российской экономики. - Российский экономический журнал, 1992, № 10, с. 69-78.
17. Политический альманах России 1995 / ред. М.Макфол и Н.Петров. - М.: Моск. Центр Карнеги, 1995.
18. Весна-89: География и анатомия парламентских выборов. - М.: Прогресс, 1990.
19. Нефедова Т., Трейвиш А. Назад или вперед. Раздумья об итогах парламентских выборов в Ленинградской области. В ж.Ваш Выбор, № 1(19), М, 1996, с.22-27.
20. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Инф. бюлл. - М.: Аспект Пресс, 1993, № 2 (май).
21. Петров Н.В., Трейвиш А.И. Региональный сепаратизм и дезинтеграция России: опыт измерения различных категорий риска. - В кн.: Россия и СНГ: дезинтеграционные и интеграционные процессы. (Россия 90-х: проблемы регионального развития, вып.2). М: Институт географии РАН, Российский гуманитарный научный фонд, Центр изуч. российских земель журн. "Ваш Выбор, 1995.- с. 25-38.
22. Грицай О., Иоффе Г., Трейвиш А., 1991. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991.
23. Пивоваров Ю.Л. Альтернатива макрорегионального развития России: сжатие интенсивно используемого пространства. - В кн.: Географические основы типологии регионов для формирования региональной политики России. - М.: Институт географии РАН, 1995, с. 17-23.
24. Chisholm, M. Regions in Recession and Resurgence. - London: Unwin Hyman, 1990.